

СЕРГЕЙ ЛАТЫШОВ

КОГДА СОЛНЦЕ ЗАХОДИТ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

12+

Сергей Латышов

**Когда солнце заходит
в последний раз**

«ЛитРес: Самиздат»

1990

Латышов С.

Когда солнце заходит в последний раз / С. Латышов — «ЛитРес: Самиздат», 1990

ISBN 978-5-532-04334-3

Фантастика прошедших событий...Когда что-то в нашей жизни неожиданно происходит, когда что-то случайно нарушает её привычный ход, мы в первый момент досадуем на то, что наши повседневные планы рушатся... В повести вынужденная аварийная посадка самолёта в пустыне не только нарушает ближайшие планы пассажиров, но и приводит к...

ISBN 978-5-532-04334-3

© Латышов С., 1990
© ЛитРес: Самиздат, 1990

Содержание

Пролог	5
Первая часть	8
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пролог

Часто многое в нашей жизни, да и сама жизнь тоже, зависит от непредвиденных случайностей, и когда что-то неожиданно происходит, мы в первый момент досадуем на то, что наши повседневные планы рушатся, ещё не совсем понимая, что вместе с ними может рухнуть нечто большее...

***

Иван уже целых пять минут стоял с поднятой рукой, сигналивая каждой проезжающей машине. Наконец-то показалась "Волга" с зелёным огоньком в правом углу лобового стекла. Иван, решив, что вытянутая рука это недостаточный повод, для того чтобы машина остановилась, показал ею на свои ручные часы и вдобавок провёл пальцем по шее. Такси пронеслось мимо. Выругавшись про себя, он снова взглянул на часы. Стрелки двигались предательски быстро. Почему, когда куда-то торопишься, размышлял Иван, смотря то на циферблат, то на мчащиеся по шоссе легковушки, время летит с бешеной скоростью, а когда чего-то ждёшь, будто стоит на месте.

Перед ним остановилась машина. Открыв заднюю дверь, он бросил на сидение сумку, сам же сел на переднее и на вопросительный взгляд шофёра произнёс:

– В аэропорт. Только никого не подсаживайте и если можно побыстрее, я опаздываю на самолёт.

Он ещё раз посмотрел на часы. Должен успеть, подумал Иван, и все из-за... Снова появилось чувство тяжести и полной осознанности разрыва с Катериной. У него были и до неё девушки, но Иван фанатично тренировался, и ничего кроме спорта его не интересовало. Став теперь взрослее, он считал, что нашёл ту единственную, которая сделает его жизнь богаче и ярче, но...

Да теперь то уже точно ничего не поправишь, Иван попробовал отогнать невесёлые мысли. Поссорившись с тренером, он уехал из-за неё с ответственного тренировочного сбора перед чемпионатом страны. Хотя он и был одним из сильнейших, но чемпионат страны это главный отборочный старт. Его конечно в любом случае возьмут на Кубок мира, но обязанным тренерскому совету быть не хотелось. А выиграть или быть призёром в такой ситуации... Не тренируясь несколько последних дней, Иван был в разобранном состоянии, а сейчас надо было возвращаться, чтобы послезавтра на чемпионате быть любыми силами на высоте.

Иван снова бросил взгляд на часы, должен успеть, но Андрей уже наверно волнуется. Андрей был его товарищем по сборной команде, а также его лучшим другом. Они были совершенно разные, как по внешности, так и по характерам. Андрей на три года его моложе, постоянно весёлый и жизнерадостный, никаких проблем ни в спорте, ни в личной жизни, он просто-напросто их себе не создавал. Он так же, как и Иван, уехал со сбора, но совершенно по другой причине. Считая, что он провёл серию соревнований успешно и ему нужно немного расслабиться и отдохнуть, Андрей сказал об этом тренеру, собрал сумку и уехал домой. Это случилось уже после отъезда Ивана, и поэтому Андрей, приехав домой, позвонил ему, сказав, что если он ещё не покупал билет обратно, то чтобы брал и на него, а также предложил вместе развеяться и поразвлечься. Естественно, что Ивану было не до развлечений; так они и не встретились. Созвонившись перед самым отъездом, Иван предупредил Андрея, что билеты у него и договорился встретиться в аэропорту.

Иван вбежал в здание аэропорта за две минуты до конца регистрации. Расталкивая всех на ходу, он пробирался к стойке, на табло которой светился номер их рейса. У стойки, мило

беседуя с девушкой в форме аэрофлота, стоял Андрей. Иван видел, как он кивнул девушке в его сторону. И знал, что тот сейчас накинется на него с упрёками и будет смотреть, как на злейшего врага народа, а потом, через несколько секунд, его лицо озарится той улыбкой, за которую его и любят то все их знакомые.

– Ты что, обалдел?

– Да я...

– Ладно, не оправдывайся. Ты в своём репертуаре. Эгоист. Заставляешь людей беспокоиться.

Зная, что Андрей уже говорит всё это полушутя, Иван позволил себе улыбнуться и вздохнуть свободнее. Чувствуя вину за опоздание, он всё таки как будто сбросил с плеч гору, а слушая его болтовню, ощущал как ему становится легко и спокойно, и все проблемы разом отодвинулись далеко назад. Иван очень был рад его видеть.

Медленно продвигаясь в очереди к зоне досмотра, Иван слушал последние новости Андрея. Тот был как всегда доволен собой, и с удовольствием рассказывал о том, как он прекрасно отдохнул на даче и в какой он сейчас отличной форме.

– Ну, тут то я тебя проверю. Я сейчас силён как никогда, этот чемпионат я должен выиграть, – он взглянул на Ивана, рассчитывая увидеть, какое впечатление произведёт на того, его смелое заявление. Но, не прочитав ничего на его лице, Андрей поинтересовался:

– Ну, а ты как?

– Да, так себе. – Иван грустно улыбнулся

Заметив, что что-то не так, Андрей спросил:

– Что, с Катькой опять?

– Да, теперь окончательно

– Плюнь ты, из-за чего расстраиваться. А? Я наоборот только рад. Ну не пара вы друг другу, не пара. Какая из вас семья вышла бы?

– Понимаешь, – возразил Иван. – Не было у меня ещё так, как с ней.

– Ну, не было, так будет. Вон девушек, хорошеньких сколько, – и он подмигнул милиционерше, которая в этот момент проверяла его паспорт. – Ты бы на себя со стороны посмотрел, такие на дороге не валяются.

Действительно, они резко выделялись из толпы: оба высокие, худощавые лицом, с атлетической фигурой и в ярких спортивных костюмах.

На посадку их провели в небольшой автобус. Оглядевшись, Андрей толкнул в бок своего друга:

– Слушай, Ванёк, а какой самолет то? Что-то народу маловато.

– Не знаю, наверно АН-24.– Иван стал рассматривать пассажиров, которых в автобусе было не больше двадцати человек.

– Ничего себе! Билетов в кассах нет. Народ неделями толпиться, а наш рейс полупустой.

– Не на юг же летим. – Иван продолжал разглядывать попутчиков. Люди летели по своим делам, кто-то в отпуск или в гости, а кто-то, наверно, в командировку, выполняя срочное поручение своего предприятия.

Автобус подвёз их к самолету. Они вышли и подошли к трапу. Пропустив вперёд женщину с ребёнком и мужчину с мальчиком лет десяти, Иван подал билет бортпроводнице, и равнодушно скользнув по ней взглядом, поднялся на борт. Андрей же, широко улыбаясь, приветливо поздоровался, сказал несколько комплиментов, бросил пару фраз о погоде, попробовал узнать её имя и поинтересовался, чем она занимается вечером. Девушка улыбнулась в ответ не менее очаровательно и попросила его не задерживать посадку.

Плюхнувшись на сидение рядом с Иваном, Андрей достал плэйер, одел наушники и стал подёргиваться в такт музыки. Иван смотрел в окно на продолжавшуюся посадку. Его взгляд привлёк пожилой мужчина, с аккуратной бородкой и одетый в строгий чёрный костюм, в белую

рубашку и в галстук. В правой руке он держал небольшой кожаный чемоданчик, а через левую, был перекинут плащ. Ивана не столько поразила внешность этого пассажира, сколько он был удивлен: ведь в наше время все стараются одеваться по проще, особенно в дорогу. Изысканный строгий костюм наверно больше подходит для дипломатических переговоров. Но здесь в глубине России дипломату всё-таки делать нечего.

“Строгий костюм” прошёл вперёд, сверяя своё место на билете с цифрами над сиденьями. Депутат какой-нибудь, решил Иван и посмотрел на Андрея. Тот уже спал, по-детски открыв рот и немножко посапывая. Иван осторожно снял с него наушники, одел их себе и сделав звук чуть погромче, чтобы не слышать шума мотора, откинулся на спинку сидения. Самолёт выруливал на взлётную полосу. Иван, закрыв глаза, отдался полностью своим мыслям, одновременно чувствуя, как они оторвались от земли и набирают высоту.

Иван посмотрел на часы. Летели уже минут тридцать. Он поймал себя на мысли, что хочет пить. Пора бы уже и воду разносить, он обернулся назад. За неплотно зашторенную занавеску видно было, как стюардесса открывает бутылки с лимонадом. Иван взял газету, но в иллюминатор правого борта ярко светило солнце. У этого окна никто не сидел и Иван, хотел было встать, чтобы задёрнуть шторку, но для этого нужно было бы разбудить спящего Андрея, тогда он развернулся и стал смотреть в своё. Далеко внизу сквозь дымку была видна земля. Дымка стала сгущаться, и вскоре разглядеть что-нибудь было уже невозможно. Самолёт влетел в плотное облако...

Первая часть

*Сверкнул последний луч заката
И стало так темно.
А я один бегу от страха,
Не знаю, что мне суждено...*

***

Это был их последний рейс. Экипаж летел домой и впереди долгожданный очередной отпуск. И как они не старались, всё равно каждый из пилотов заранее мысленно строил планы насчёт его время препровождения.

– Командир! Потеря связи.

Чёрт возьми, как только они влетели в это облако, он сразу почувствовал что-то неприятное; и вот теперь на тебе “подарочек”, командир корабля, пилот первого класса, ошарашено смотрел на приборы. Они все были на нуле. Высота – ноль, скорость – ноль, горючего вообще получается, как будто не было, но они летели, как летели, так и продолжают лететь дальше, не снижаясь и не падая. Это он чувствовал, всё-таки в пилотском кресле без малого двадцать лет и всякое бывало, но такое...

– Как у тебя?

– Всё на нуле, командир, – второй пилот с ужасом смотрел на приборную панель.

– Не паникуй Коля. – Командир уже овладел собой. – Доложи всё по форме. Отказ приборов. Может быть, у нас только односторонняя потеря связи.

– Хорошо, Александр Петрович.

Командир до боли в руках сжал штурвал; как только они вылетят из этого чёртового облака, он снизит самолёт до минимума и постарается посадить на каком-нибудь ровном поле. Задача трудная, но выполнимая и через час, максимум через два их обнаружат. Придёт помощь и всё будет в порядке, ну только немного позагорают. А вот Анечке придётся постараться и всё аккуратно сообщить пассажирам.

– Дима, – обратился он к штурману. – Позови Анечку, пожалуйста.

Тот поднялся и вышел в салон.

Командир прислушался к шуму моторов. Всё было как будто нормально: теперь бы удачно посадить машину и ничего больше. Мгла начала рассеиваться и через несколько секунд они вылетели из облака. Небо было совершенно ясное. Но солнце...

***

Иван перестал смотреть в окно, всё равно ни черта ничего сквозь облако не видно. Он сделал ещё громче музыку и закрыл глаза. Мысли возвращались к последним дням и от этого настроение опять ухудшилось.

Почувствовав какое-то движение, Иван приоткрыл глаза. Красивая стюардесса, находясь впереди салона, что-то говорила, он взглянул в её слегка накрашенные губы и попытался понять о чём. Иван перевёл взгляд на Андрея: тот проснулся и слушал бортпроводницу с широко раскрытыми глазами. Потом повернулся к Ивану, и видя, что тот ничего не слышал, сделал знак, чтобы Иван выключил магнитофон.

– Ты слышал? – начал Андрей с негодованием. – Они обалдели, будут мне компенсацию выплачивать. Этот Аэрофлот уже в корне обнаглел, что хотят то и вытворяют.

– Что случилось? Объясни толком, – Иван видел недовольные лица пассажиров, многие возмущались. Стюардесса стояла в проходе, и с каким то виноватым видом что-то говорила толстому пассажиру кавказской национальности.

– Вынужденная посадка по техническим причинам. Ты понимаешь Иван? Они выпускают неисправные самолёты на линию, а мы расхлёбывай. Когда мы теперь доберёмся?

Иван уже не слушал Андрея, хотя тот что-то ещё объяснял, при этом выразительно жестикулируя руками. Ивану стало жалко стюардессу, которая переходила от одного кресла к другому, выслушивая упрёки в адрес экипажа и всего Аэрофлота в целом.

Потом он посмотрел в окно. Они летели уже довольно низко. Землю было видно очень хорошо и солнце... Красно-багровый диск показался Ивану огромным. Такое солнце можно наблюдать на закате. Приятное для глаз, когда можешь смотреть на него без боли и сколько захочешь, а оно уходит за горизонт. Но это солнце почему-то не уходило за горизонт и вечером его никак не назовёшь – оно было в зените. И слева. Иван вдруг понял, что солнце теперь светит в его иллюминатор, тогда как всего лишь несколько минут назад, оно ярко сияло в противоположном, и мешало читать ему газету. Они изменили курс, подумал Иван, значит, что-то серьёзное случилось, хотя, наверное, летят к ближайшему аэропорту.

Иван продолжал смотреть в окно. И что-то было не так внизу. Вначале он долго не мог понять что, что именно не так, а потом вдруг понял, но не знал, чем это можно объяснить. Он видел сотню раз землю сверху и она была другой. Она была поделена квадратиками – поля, дороги: железные и автомобильные, оросительные каналы и лесополосы, линии электропередач и ещё просёлочные дороги, которыми испещрена вся Россия. Та же земля, которую он видел сверху, была девственна. Они уже довольно долго летели низко и все подробности сверху были хорошо видны. Они летели над скалами и холмами, пролетели большой лес с озером в центре, но Иван не увидел ни просек, деливших наши леса на квадраты, ни дорог к озеру... Самолёт летел над землей, холмистой и скальной, и на сколько хватало глаз, Иван не видел привычной картины внизу: когда садишься или взлетаешь – картины цивилизации, картины обетованной земли...

***

Но солнце... Александр Петрович не мог поверить своим глазам. Они не меняли курс. Он всё это время держал штурвал прямо. Они таранили облако. Но когда они влетали в него, солнце было справа. Оно ярко ослепляло его, и он даже надел солнцезащитные очки. А этот вечерне-багровый диск был слева. Слева от него, не справа, а слева. Выходит, они теперь летели в другую сторону, развернулись в этом облаке и изменили направление. И судя по солнцу – время вечернее. Только сейчас до него дошло посмотреть на свои ручные часы. Они стояли. Но вылетали то они днём...

– Коля! – обратился он ко второму пилоту. – Сколько на твоих?

Николай долго смотрел на свои часы.

– Они стоят! – изумлённо воскликнул он.

У остальных также часы остановились. Сколько же они летели в этом чёртовом облаке? Пять-шесть минут, не больше. Командир ничего не понимал, но зато твёрдо знал, что сейчас необходимо, во чтобы-то не стало, посадить неисправную машину.

– Приготовиться! Будем садиться!

Минут пятнадцать они летели примерно на высоте тысячу метров, выискивая удобную площадку для посадки. Наконец они увидели подходящую долину между двумя холмами. Сделав два круга, и примерно рассчитав длину торможения, решили, что места хватит. Сели они мягко, как на взлётную полосу.

Выключив двигатели, командир откинулся на спинку сидения.

– Всё! Отлично приземлились ребята, я вас поздравляю! – он подумал, что надо сообщить свои координаты в надежде, что хоть односторонняя связь работает. Но до него вдруг дошло: они ведь не знают, где находятся, совершенно не представляют, где могут быть. Они летели пятнадцать минут низко над землёй, но эти места ему незнакомы.

– Дима, – кивнул он штурману, – Я сейчас пойду к пассажирам, объясню ситуацию, а вы постарайтесь определиться по карте. Найдите хоть примерно, где мы можем быть, – Командир вышел в салон...

Иван был удивлён, что они просто сели и всё; сели неизвестно где. Значит действительно плохо, раз они даже не дотянули до аэропорта. Он видел, как вошёл в салон человек в лётной форме, как все притихли; слышал, как он объяснял, что отказали приборы, что они вынуждены были сесть, что скоро за ними прилетят вертолёты спасателей и доставят в ближайший аэропорт, и не пройдет и нескольких часов, как они будут лететь дальше. И тут начался шум. Все кричали и опять стали обвинять кто пилотов, кто аэрофлот. Друг друга перебивая, они пытались кому то доказать, что им некогда, что они спешат, что горит срочная командировка, у кого-то рождает жена, а кто-то опаздывает на свадьбу, а кто-то на похороны. Иван видел растерянное лицо стюардессы, слышал, как рядом ругался Андрей: высказывая им, что он должен нервничать перед чемпионатом страны и почему они сели в какой то пустыне.

– Да, поймите же! – отчаянно закричала бортпроводница. – Ведь мы сели. Вы понимаете? Мы могли разбиться, а мы живы. Мы могли же и не долететь до ближайшего аэропорта, и на похороны уже нужно было бы лететь к нам.

Только тогда все замолчали и уставились на разгорячённую девушку.

– Конечно, вам придётся потерпеть неудобства. И то, что мы сели в этой пустынной местности очень и очень неприятно, – продолжил за неё командир. – Но поверьте, другого выхода не было. Сейчас нам остаётся только ждать...

Иван сошёл с трапа на землю. Экипаж закреплял камнями колёса. Он медленно стал подниматься по склону холма. Его догнал Андрей.

– Влипши, а...? Будет, что рассказать ребятам.

Иван задумчиво кивнул, продолжая идти.

– Ты не знаешь, сколько сейчас время? – спросил он у Андрея, поднявшись на вершину холма.

– Нет, я уже у многих спрашивал. У всех стоят.

Сверху открывался вид на серую холмистую пустыню. Ни звука, ни ветерка. И на сколько хватало глаз – полное однообразие, ни травинки, ни деревца. Мрачная местность, нагнетающая тоску и безнадежность. Диск солнца стоял в зените, и от его не яркого света возникало ощущение, что это тёплый летний вечер.

Они посмотрели вниз. Почти все пассажиры вышли из самолёта и разбрелись по долине.

– Как ты думаешь, долго нам ждать?

– Не знаю, – уже бросил Иван на ходу, и как будто что-то вспомнив, стал быстро спускаться вниз по склону к самолёту.

Андрей же, сев на камень, стал вглядываться в горизонт, то в одну, то в другую сторону, надеясь увидеть приближающуюся помощь.

Иван поднялся на борт самолёта и прошёл в кабину. Все члены экипажа были там. Так же там был и "депутат". Они вопросительно взглянули на вошедшего Ивана.

– Скажите, через сколько за нами прилетят?

Командир экипажа пожал плечами.

– Что вы хотите этим сказать? Вы вызвали помощь по рации?

– У нас нет связи.

Иван опешил. До этого момента он думал, что за ними уже летят.

– Я вас понимаю молодой человек. – командир смутился, но посмотрев на Ивана, и как бы что то для себя решив, продолжил. – Связь мы потеряли тогда же, когда и отказали приборы. Есть надежда, что работает односторонняя связь, и мы сообщили о случившемся. Но мы совершенно не знаем, где мы, каковы наши координаты. В облаке мы сбились с курса и сейчас по карте пытаемся определить наше местонахождение. Если у вас есть свои соображения, то помогите.

Иван рассказал о своих наблюдениях, сделанных им, когда они летели низко над землёй. "Депутат" кивнул и высказал своё мнение:

– Да, я тоже это заметил. Если хотите, то я вам предложу свою версию. – Он немного помолчал, как бы собираясь с мыслями. – Мы можем быть намного дальше, чем предполагаем. Сколько мы находились в этом облаке? Вы думаете, что пять-шесть минут. То есть вам так кажется. Но ведь мы могли бы там быть и пятьдесят – шестьдесят минут, а может и намного больше. И всё это время летели. В каком направлении? Вы этого тоже не можете сказать. Если это какое-нибудь магнитно-радиоактивное облако, случайно забредшее из районов Семипалатинска, то не мудрено, почему у нас потеря связи и отказ работы приборов. Излучение могло подействовать и на наши психо-временные связи, тем самым нам показалось, что мы были в нём всего лишь пять минут. Вы заметили, что мы пролетели около ста километров по незаселённой территории? Где можно найти такое огромное пространство? Принимая во внимание всё выше сказанное, можно предположить следующее, – он повёл пальцем по карте. – Я думаю, что вот здесь или где-то в этом районе, – "депутат" показал на северо-запад от Аральского моря.

– О боже! – стюардесса прижала руки к груди.

– Нет, этого не может быть. – удивился штурман.

– Я не утверждаю категорически, но предположим худшее, – произнёс "депутат". – Где вы в России видели такую местность? А я бывал на Арале. И поверьте, очень похоже. Так вот представьте: если потеря связи полная, а это скорее всего так и есть, потому что излучение просто разрушило некоторые детали ваших приборов, чем можно и объяснить их отказ. Так вот там тоже совершенно не знают, где мы. Поиски естественно начались сразу после потери связи, но они сейчас ведутся по линии маршрута, потом будут постепенно расширяться, охватывая всё новые и новые районы. Вы, понимаете, о чём я говорю?

Все согласно кивнули.

– Так вот это значит, что помощь скорее всего придётся ждать очень долго. – заключил свою речь "депутат".

– Я думаю, что надо всё рассказать остальным. Все должны знать полную правду. – командир направился к выходу.

Андрей слушал Ивана внимательно, и не перебивая, а когда он закончил, то с силой ударил рукой по обшивке самолёта.

– Ты думаешь всё?

– Что, всё? – переспросил Иван.

– Как что? Чемпионат! Ты, думаешь, не успеем? – У Андрея где-то ещё жила надежда, что вот-вот они услышат гул вертолёта и вечером всё-таки долетят до места. Но по лицу Ивана он понял, что это надолго. И если их даже быстро найдут, то пока всё разберётся, пока они долетят; то к тому времени соревнования кончатся, и их поезд сейчас ушёл, ушёл, может быть, вместе с путёвками на Кубок Мира. А там... Там могли бы быть медали. И всё из-за непредвиденной случайности, по воле злого рока и независящим от них обстоятельствам, рушатся сейчас их надежды. А им остаётся только ждать. Сколько? Чего? Просто ждать, долго и нудно.

Иван видел и понимал переживания своего друга. Ему самому было нелегче. Они сейчас здесь, за сотни километров, от какого либо жилья и ничего не могут предпринять. Хоть кричи не кричи, уже ничего не изменишь...

Они сидели на вершине холма, соорудив себе что-то подобие скамейки. Им казалось, что они уже здесь вечность, хотя прошло не более трёх или четырёх часов. Андрей слушал музыку, тупо уставившись в красный диск солнца, медленно опускавшийся к горизонту.

Иван за это время несколько раз принимался читать газеты, но никак не мог за чёрными строчками букв уловить смысл написанного. Услышав за спиной шорох, он обернулся. Наверх к ним поднималась стюардесса.

– Можно присесть с вами?

Иван кивнул на большой плоский камень, лежащий рядом. Девушка села.

– Как вы считаете, гипотеза того мужчины насколько верна?

– Какая разница правильна она или неправильна. Но факт тот, что искать нас не собираются, – процедил раздражённо сквозь зубы Андрей, обиженный на весь мир.

Анна долго после этого хранила молчание, не решаясь вновь завести разговор. Они тоже не нарушали установившуюся тишину и просто сидели, смотря на солнце, уходящее за горизонт.

– Вы есть хотите? – наконец произнесла Анна, взглянув на них вопросительно. – Мне мама сделала несколько бутербродов, а я так их и не съела.

Андрей улыбнулся и сразу же оживился. Ещё час назад никто из них и не думал о еде, но время шло, первые волнения улеглись, и голод уже давал о себе знать.

Спускаясь к самолёту, они познакомились. А, жуя в салоне бутерброды, слушали рассказ Анны себе, о работе и о том, что она из города в который они летели, и что это был последний рейс их экипажа перед отпуском. А теперь об отдыхе придётся забыть: их просто затаскают по комиссиям и инстанциям, расследующих причины аварий в Аэрофлоте. Она с вздохом сказала, что её мама сейчас волнуется и не находит себе места. Но постепенно девушка перешла с грустной темы на различные истории из её жизни в Аэрофлоте. Анна работала стюардессой второй год и двадцатилетней девушке нравилась её работа. На полтора часа она становилась хозяйкой салона и с удовольствием делала пассажирам объявления, разносила газеты и прохладительные напитки, продавала сувениры, которые многие охотно покупали на высоте пять тысяч метров.

Слушая её приятный голос, Иван смотрел на красивое лицо, и его внутреннее напряжение спало, уступив полному расслаблению и временному спокойствию. Андрей же оживился и преобразился. Он рассказал анекдот, и они долго смеялись. Анна сходила за лимонадом, а Андрей уже разошёлся и поток его любимых остроумных историй, трудно было остановить.

Им было хорошо и весело, и они действительно забыли в этот момент, что попали в аварию, что они даже не знают, где они. Андрей шутил и смеялся, как будто был дома. Анна говорила, что вот они и встретились вечером и проводят его вместе, как тот этого и хотел. И на что Андрей отвечал, что чем же хуже ресторанного, этот импровизированный стол, показывая рукой на разложенные на сидениях бутерброды и бутылки с лимонадом. Иван рассказал ей, что они ехали на чемпионат страны по лёгкой атлетике. Анна приглашала их к себе домой, после того, как они выберутся отсюда, и заверяла, что мама будет очень рада, что она хорошо готовит и им понравится у них.

За окнами стало совершенно темно. Пассажиры возвращались в салон и устраивались спать, приспособив для этого кресла и свои вещи.

Втроем они вышли на улицу. Солнце село и словно темнота разлилась чернилами, создав непроницаемую тьму, так что в двух шагах ничего не было видно. Такая ночь бывает, когда небо затянуто тучами, сквозь которые не может пробиться свет луны и звёзд.

Включили осветительные огни. И Иван подумал, что если ночью поиски будут продолжаться, то их обязательно обнаружат.

Они вернулись в салон и, решив, что пора спать и уже поздно, пожелали друг другу спокойной ночи. Иван с Андреем прошли на свои места, где и устроились на ночлег. Иван вспом-

нил, что у него есть западногерманский секундомер, в котором кроме двух стандартных, есть ещё и часовая стрелка. Они достали его и завели. Потом с надеждой нажали на пуск. Секундная стрелка побежала по кругу.

– Слушай, почему мы раньше не вспомнили про секундомер? Ну, теперь хоть примерно будем знать время. – Андрей с удовольствием смотрел на движущуюся стрелку.

– Ладно, давай спать. Только ты не брыкайся ночью.

– Всю жизнь мечтал ночь провести в кресле АН-24. Да тут и ноги не вытянешь, как следует. – Андрей поёрзал на сидении, принял удобное положение и замолчал, делая усилия заставить себя заснуть.

Иван ещё долго смотрел в потолок, о чём-то думал, ни о чём конкретном; усталость пережитого дня постепенно брала своё, глаза закрылись сами собой, и Иван почувствовал, что он куда-то проваливается...

***

В иллюминатор кто-то снаружи тихо постучал. Иван прижался лицом к стеклу. Вначале в темноте он ничего не увидел. Потом стал различать, как что-то большое двигалось. Это что-то большое приближалось к ним, и спустя мгновение Иван ясно разглядел, что это было. Он почувствовал, как волосы под одеждой на руках и ногах встали дыбом, по коже пробежал холодок. Он не мог ни пошевелиться, ни вскрикнуть; ужас приковал его к месту.

Огромное, больше, чем самолёт, чудовище оказалось в слабом свете его огней. Оно открыло пасть, похожую на крокодилю, и откусило половину крыла. И тут же кто-то, толи завыл, толи заплакал, а в иллюминаторе, прямо за стеклом, на него смотрела, зловеще ухмыляясь, дьявольская рожа. Он никогда раньше не видел её, но сразу узнал. Поросячий нос, красные глаза, окровавленные клыки и два острых рога...

Иван бежал; бежал наугад, спотыкаясь о камни, падая на них и опять вставая бежал. А вслед раздавалось дикое хохотание и топот. Он ещё раз упал, хотел встать, но ногу что-то держало; держало крепко, потом обвило голень. Змея, промелькнула мысль, а дальше чувствовал, как обвиваются его руки и вторая нога. И вдруг он увидел две приближающиеся фары. Машина.

Они нас нашли, они мне помогут, только бы не проехали мимо. Его уже душило за шею. Он закричал. А потом; потом крик оборвался, перейдя в хриплый стон; стон ужаса и отчаяния. Фары приблизились, но это была не машина. Из огромных круглых, бездонных глаз излучался свет. Два "прожектора" шарили по местности. Глаза что-то искали. И нашли; они осветили его, они смотрели на него в упор и стали приближаться...

– Иван! Иван!

Он открыл глаза. Андрей тряс его за плечо. Иван слышал, как тяжело стучит его сердце; ощутил, как по вискам струится пот.

– Ты, что весь дёргаешься? Стонешь?

– Да так... Кошмар приснился.

Иван посмотрел в окно. Вначале в темноте ничего не различил, потом увидел. Крыло было на месте.

– Ты знаешь, как наяву. Думал мне крышка, – произнёс Иван и с каким то выдохом облегчения откинулся на спинку кресла.

Он обвёл глазами салон самолёта. Все спали тихо и безмятежно. Впереди кто-то похрапывал, а сзади на коленях у женщины, сладко посапывая, иногда ворочался ребёнок.

Иван посмотрел на секундомер. Прошло восемь часов, но видимо рассветать, и не собиралось. Андрей опять спал. А Иван чувствовал, что уже не уснёт. Сидеть тоже было невозможно, но он, переменив позу, всё-таки закрыл глаза.

В забытии прошло ещё два часа. Всё, он больше не мог ни спать, ни сидеть. Он видел, как уже ворочались остальные пассажиры, но снаружи всё по-прежнему было темно.

Иван встал и вышел из самолёта. Он сделал несколько разминающих упражнений, затем по десять раз присел и отжался.

Вдруг Иван услышал какой-то шорох над собой. Он стал вглядываться вверх, но "чернила" не позволяли ничего разглядеть. Иван ещё раз услышал звук, похожий на хлопок крыльев. Он вспомнил свой сон и тревожное состояние начало возвращаться. Тогда ему стало жутко. На склоне посыпались камни. Иван внимательнее всмотрелся в темноту.

– Кто здесь?

Но ему никто не ответил. Иван минуту размышлял: пойти посмотреть или нет. Но что больше, разум или страх удержало его, он не знал. Не приснись ему такой страшный сон, который оставил в нём тревогу, он бы сейчас конечно пошёл посмотреть, что или кто там. Но идти одному туда в темноту... Зверёк наверно какой-нибудь, решил для себя Иван и поднялся в самолёт, но только после того как, хорошо закрыв и проверив люк дважды, он прошёл в салон.

Пассажиры просыпались и потягивались. Из кабины вышел командир экипажа и пожелал всем доброго утра. Но на утро это было непохоже. Стояла глубокая ночь. Прошло уже около двенадцати часов, как зашло солнце, а на рассвет даже никакого намёка. Никто ничего не понимал. Все смотрели друг на друга, надеясь, что кто-нибудь сейчас всё объяснит.

Вдруг женщина, которая сидела рядом с толстым кавказцем, сказала, что не видит своего соседа. Иван обвёл взглядом всех, и действительно этого пассажира среди них не было.

– Я видела, как он ночью встал и вышел. Я подумала, что он направился в туалет.

– Когда это было? – спросил у неё пилот.

– Не знаю, я сразу уснула. Наверно три-четыре часа назад.

Иван рассказал, что он что-то слышал на склоне холма. Он звал, но ему никто не ответил.

Пилот вышел в кабину и вскоре вернулся с фонариком.

– Кто со мной пойдёт, посмотрит?

Андрей с Иваном встали и направились к выходу...

Они осмотрели всё в радиусе четырёхсот метров. Прошли вдоль и поперёк всю долину.

Поднялись на вершину холма.

– Куда он мог подеваться?

Хотя Иван и не видел лица пилота, но по интонации слышал, что тот сильно встревожен.

– Придётся обождать до рассвета. В этой темноте хоть глаз выколи. Ни черта ничего не видно. – пилот осторожно стал спускаться к самолёту...

– Посмотрите, пожалуйста! Вещи его на месте? – попросил командир соседку кавказца, когда они вернулись со своих бесплодных поисков.

Она сказала, что уже посмотрела, и все его вещи находятся на полке над сидением. Иван сел на своё кресло и задавал себе один вопрос, и наверно тот, что и все остальные. Куда мог среди ночи деться этот пассажир? И ему хорошо была понятна тревога командира экипажа, ведь он за них персонально несёт ответственность.

Ночь не прекращалась. Это уже было какое-то наваждение. Все с надеждой чего-то ждали. Скорее всего утро, которое, наверно, никогда не наступит. В салоне самолёта стояла тишина. Иногда маленькая девочка начинала плакать и её мать принималась утешать. Соседка кавказца как будто нашла себе занятие и вязала толи платок, толи шарф. Десятилетний мальчик через каждые десять минут спрашивал отца: скоро ли наступит утро, и когда за ними прилетит другой самолет. Мужчины беспрерывно курили. Андрей уставился в потолок. Батарейки его магнитофона сели и стали тянуть, но он, казалось, не замечает этого и поэтому не выключает плэйер. А за окном было по-прежнему темно и, похоже, что ожидание превратилось в вечность...

Солнце появилось через шестнадцать часов. Оно поднималось медленно и как бы нехотя. Красно-багровый диск, который они так долго ждали, показался им чужим и зловещим.

С рассветом весь экипаж, кроме стюардессы, отправился на поиски пропавшего пассажира. Остальные были предоставлены самим себе, с условием никуда не отлучаться.

Иван с Андреем поднялись на холм. Скамеечка, которую они соорудили накануне, была разрушена. Иван поставил ногу на один из камней.

– Андрей! Тебе не кажется всё это странным? Эта серая пустыня? Почему нас никто не может найти? Почему всё так необычно? Почему вокруг никого, никого? И почему это солнце красное, и где оно шлялось целых шестнадцать часов?

– Успокойся, Ванёк! Ты сам рисуешь себе сложности этим много почему. – Андрей был рад, что дождался утра, и тревоги Ивана ему были не совсем понятны. – Если мы где то в районе Аральского моря, – он повернулся к Ивану. – Ты был в Казахстане?

– Был, в Алма-Ате на соревнованиях.

– Ну, то город, а это пустыня. Где ты в пустыне людей встречал. – Андрей перевёл взгляд на солнце. – А солнце! Ты видел его вечером? На закате оно всегда такое. Ты не задумывался почему? Потому что кривизна атмосферы преломляет лучи, а здесь, может более плотные слои воздуха, создают такое преломление, и поэтому оно не такое яркое. А шестнадцать часов, с чего ты взял, что прошло именно шестнадцать. Мы все легли около девяти; спать неудобно, ожидание, вот и проснулись часа в два ночи; и потом ждали как дураки утра. Все часы стоят. Один только твой секундомер и ходит. А ты уверен что, побывав в этом радиоактивном или магнитном облаке, он не стал идти у тебя в два раза быстрее?

Иван пожал плечами.

– Вот видишь! А этот лунатик, вышел по нужде, да и заблудился в темноте между этими холмами. Что кстати немудрено. Найдут его, никуда не денется.

Иван ничего не ответил Андрею; хотя у того на всё нашлось объяснение, но слишком много всяких “может” и “если”. А Иван где-то смутно в душе чувствовал, что всё намного сложнее, хотя в действительности он может и понапрасну нагоняет на себя тревожные мысли. И не приснись ещё этот сон...

– Извините, – к ним на вершину холма поднимался “депутат”? – Я перебыл ваш разговор. Это ничего?

Они кивнули в знак согласия слушать.

– Я тут подумал и пришёл к выводу, что вы больше всего подходите, – он посмотрел на них, чтобы увидеть какую реакцию произвело начало, и продолжил. – Ждать нам ещё неизвестно сколько, пока нас найдут, а вода и еда кончается. Понимаете, о чём я говорю? Не может же быть, чтобы в этой местности никого не было. Я предлагаю отправиться нам самим, и если мы встретим кого-нибудь из местных жителей, то они нам помогут и сообщат властям и с продуктами.

– Да, кого в этой пустыне встретишь? – Ивану не верилось, что здесь на этой мёртвой земле может кто-нибудь быть.

– В крайнем случае, мы должны найти воду. Это то вы понимаете? Вода сегодня кончится. А если наши поиски затянутся?

– Слушай Вань, а это идея. Может, мы вправду кого-нибудь на верблюдах встретим, может какие-нибудь соляные разработки поблизости. Всё лучше чем, сложа руки сидеть и ждать неизвестно чего. Если честно, то меня уже здесь тошнит. Только давайте пойдём... – он задумался, не решаясь назвать сторону, куда им направиться.

– Я думаю, что нам нужно идти на юг. – решил за него “депутат”. – Если мы прилетели с севера, то как вы заметили жилья там нет. А озеро, которое мы видели, километров семьдесят от нас. Так что лучше идти в противоположную сторону. Будем надеяться, что нам повезёт. И вода гораздо ближе.

Экипаж ещё не вернулся с поисков пропавшего пассажира. "Депутат" сообщил о их решении стюардессе и они стали собираться в дорогу. Анна хотела идти с ними, но они убедили её, что она всё-таки женщина и пока единственный здесь человек, отвечающий за самолёт и остальных людей.

Сборов как таковых не было. Они торопились побыстрее уйти, боясь, что если вернётся командир экипажа, то он им наверняка запретит покинуть долину.

***

Красное солнце было постоянно перед глазами. Через каждые две-три минуты Иван вытирал пот рукой со лба и лица, ещё больше размазывая тем самым по нему, осевшую серую пыль. И если вместе с потом в глаза попадала выступившая на лбу соль, то в них начиналась резь и неприятная щиплющая боль. Тогда Иван сильно сжимал веки, а потом часто-часто моргал, чтобы хоть как-то остановить невольно выступившие слезы.

Они шли уже часов пять, а всё по-прежнему впереди была только холмисто-скальная пустыня. Они, то поднимались, то спускались, то шли какими то долинами, проходя мимо причудливых форм скал и беспорядочных нагромождений камней. Но не было никаких признаков жизни; тишина и безмолвие.

Иван удивлялся выносливости их спутнику. Шестидесятипятилетний пожилой мужчина шёл уверенно и без тени утомления. "Депутат" оказался профессором физики университета. А летел он на учёный симпозиум, который был наверно в это время в самом разгаре. Он оказался хорошим собеседником и охотно рассказывал о себе, о различных случаях с ним и с его студентами и аспирантам. Первые три часа пролетели незаметно, но чем дальше они шли, тем сильнее беспокойство овладевало ими. Мучила жажда, впереди была неизвестность, а тишина подавляла. Они уже давно шли молча, каждый, думая о своём.

Ивану больше всего хотелось пить. Было не жарко, но в воздухе совершенно отсутствовала влага. Во рту всё пересохло и от этого начало закладывать уши. Тогда он сглатывал несуществующую слюну, и становилось ненадолго легче. Единственным его желанием сейчас было выпить просто холодной воды. Он вспоминал, как они после тяжёлой тренировки, не спеша, мылись в душе; потом сидели в раздевалке, и не торопясь одеваться, открывали купленные заранее бутылки с минеральной водой. Затем потихоньку пили прохладный "Нарзан" и, перебрасываясь шуточками, строили планы на вечер. И довольно часто они уходили, оставляя в раздевалке, наполовину недопитые бутылки с этой самой минеральной водой. Иван ещё раз сглотнул: разве есть на земле такое место, где много воды, где есть ещё не совсем выпитый "Нарзан"; да, что там "Нарзан", просто вода, любая вода...

Иван слышал, как Андрей что-то вскрикнул; видел, как тот побежал вперёд, как возвращался назад, чем-то, размахивая в руке. Ивану страшно захотелось, чтобы это была, кем-то оброненная здесь фляга с водой, обязательно с водой. Но это был обыкновенный башмак, почти совершенно новый мужской полуботинок сорок первого размера.

– Цивилизация говорит за себя, – торжествующе воскликнул Андрей и довольный собой, обвёл Ивана и профессора ликующим взглядом. – Наверное, сейчас и второй найдём; кому-то были малы, вот и выкинули.

Профессор с сомнением возразил.

– Я так не думаю. Вот вы, Ваня! Если бы ваша обувь была бы вам мала? Выкинули бы вы её?

Иван посмотрел на свои кроссовки. Последняя модель "Найк – Воздушный пегас", он заплатил за них в прошлой зарубежной поездке семьдесят долларов, но они оправдывали себя – ноги не чувствовали усталости.

– Нет, вряд ли.

– Казахи народ не такой уж богатый, – продолжал профессор. – Чтобы швыряться подобными вещами. Притом я думаю, что это обувь чисто городская, – он задумался, рассматривая ботинок. – Здесь всё-таки что-то другое. – Пойдёмте дальше, может, мы встретим второй и скоро разрешим эту загадку.

Андрей положил его к себе в рюкзак, и они зашагали дальше. Иван шёл вслед позади Андрея. Его взгляд упирался в рюкзак и сквозь материю, он как бы видел этот башмак, и тот не давал ему покоя. Он видел его; видел его на ноге, на ноге кавказца вчера вечером на лестнице: Иван хотел подняться на борт и в это время в двери показался кавказец, его ноги находились на уровне глаз Ивана. Он видит это как сейчас, эти полуботинки, синие носки. Иван даже остановился. Нет! Этого не может быть. Он наверно ошибся. Что может делать здесь ботинок кавказца так далеко от самолёта? Да, этот толстяк ни в жизнь сюда бы не дошёл. А если это всё же его, то где он сам? Иван хотел, было сказать об этом своим спутникам, но что-то его удержало.

Они медленно поднимались на очередной холм. Иван немного приотстал и присев на камень, стал снимать кроссовки. От долгой ходьбы носки стали похожи на грязные тряпки, создававшие неудобства и немного подумав, он снял их и откинул в сторону. Надев кроссовки на босые ноги, Иван зашагал дальше, считая, что так намного лучше. Наверху раздавались возбуждённые голоса.

– Иван! Ты где там? – услышал он нетерпеливый окрик Андрея.

– Иду. Иду. Сейчас. – Иван почти вбежал на холм и остолбенел.

Вершина была довольно обширная и плоская. В тридцати метрах от него стояли Андрей с профессором и рассматривали скелет. Он был огромный, в длину не меньше трёх метров. Рядом лежал череп. Видно было, что он не отвалился сам собой, а ещё при жизни голова была отделена от туловища, что и послужило причиной смерти.

– Верблюд, наверное. – Сделал своё заключение Андрей, с интересом рассматривая останки животного.

– Сам ты верблюд. – Произнёс Иван и подошёл ближе к черепу.

Вдруг он резко отскочил. Из глазницы, угрожающе шипя, выползла огромная, с руку толщиной змея. Иван находился от неё примерно на расстоянии двух, двух с половиной метров. На несколько секунд все оцепенели и испуганно смотрели на пресмыкающуюся тварь, которая изготавилась толи нападать, толи обороняться и высоко подняв трапециевидную голову, покачиваясь из стороны в сторону, она продолжала мерзко и угрожающе шипеть. Андрей, как раз находившийся прямо позади неё, стремительно нагнулся, и схватив отвалившееся ребро скелета, наотмашь ударил по змее. Всё произошло в доли секунды, и голова пресмыкающегося покатила по земле.

– Ну, ты силён! – Иван не скрывал своего восхищения.

Он подбежал к отсечённой голове змеи и стал её разглядывать. Она была больше чем с кулак, но что его поразило ещё сильнее, так это то, что у неё были уши: треугольные, перепончатые, прямо позади круглых глаз. Впереди у пасти маленький рог, и поэтому голова напоминала голову дракона: дракона из японских мультфильмов, которые Иван с удовольствием смотрел в детстве. Стоявший рядом профессор был удивлён не меньше, и он даже присел на корточки, чтобы лучше рассмотреть необыкновенное животное. Из оцепенения их вывел нетерпеливый окрик Андрея. То, что они увидели дальше, изумило их ещё более того. Андрей достал из рюкзака перочинный ножик, вытянул змею и отмерив примерно три равные части, аккуратно её разделил. Свою долю, он разрезал вдоль и почистил как рыбу, а затем, взглянув на них, стал высасывать лимфу и кровь. После этого Андрей присев на камень, принялся сдирать кожу и отрезать от своего куса небольшие дольки мяса. Весело подмигивая им, он отправлял их в рот и тщательно пережёвывал. У Ивана "отвалилась" челюсть.

– Ты, как будто, не в первый раз всё это проделываешь?

– Да нет, видел просто в одном боевике. А что, по вашему лучше умереть с голоду и от жажды. Присаживайтесь и угощайтесь, – и Андрей сделал жест, словно они были его гостями, а он радушный хозяин приглашает их к столу.

Профессор рассмеялся. А Иван подошёл к своей доле, и присев возле неё, долго не решался взять в руки отвратительно пахнущий кусок пресмыкающегося.

– Ты, это... – приблизился к нему Андрей, решив помочь советом. – Попробуй не думать, что это змея. Отключись и просто высасывай всю жидкость, а потом ешь мясо. Оно сочное, прямо само тает во рту.

– Отойди! Сам знаю. От тебя воняет, как от шакала. – Иван поморщился. – Кинь лучше нож, супермен.

Иван положил свою часть змеи на камень и подкатив к нему поближе другой, сел и застыл с ножом в руке, не решаясь или не зная, как лучше приступить к трапезе. Стоявшие рядом, профессор и Андрей громко расхохотались. Всё-таки наверно он имел довольно глупый вид.

– А вы, профессор? – ухватился Иван за идею оттянуть неприятную процедуру.

– Я после вас. Приступайте, нож ведь один.

– Да, я могу подождать, пока вы пообедаете. – Иван привстал, чтобы уступить ему место. – Вы ведь старше!

– Нет, нет. Кушайте, Ваня, пожалуйста, а я пока осмотрю скелет животного. Приятного вам аппетита!

– Спасибо! – буркнул Иван и снова опустился на камень.

Он разрезал свой кусок и стал продельвать с ним то же самое, что и Андрей. Несколько раз он сдерживал подкатывающеюся было тошноту от противного запаха, но после несколько минутного отдыха, вновь продолжал методично жевать и глотать кусок за куском.

Андрей тем временем, отломав себе от скелета самое большое ребро, прохаживался рядом, и воинственно помахивая своим новым оружием, говорил им, что возьмёт это ребро на память и повесит у себя дома на ковре в своей комнате, как охотничью трофею.

Профессор, почему-то скептически посмотрев на него, и не высказав, как обычно, своего мнения, продолжал сооружать себе тоже что-то подобие стола. И, наконец, закончив свою работу и сев, он сообщил:

– Мне кажется, что это был кенгуру.

Иван чуть не поперхнулся. У Андрея выпала из рук его дубинка, но он так и не нагнулся, чтобы её поднять.

– Да-да, или, по крайней мере, животное очень похожее на него. Посмотрите, какие у него мощные задние конечности. Это явно двуногое млеко питающееся. Взгляните, какой мощный хвост. Оно, при передвижении, скорее всего, прыгало на двух задних ногах, а когда стояло, то опиралось на хвост. Передние конечности служили только для того, чтобы в основном отправлять пищу в пасть. Это конечно огромный экземпляр, но может быть такие кенгуру, и водятся в Австралии. Вы видели когда-нибудь живого кенгуру?

Иван покачал головой:

– Нет, только по телевизору. – он попытался вспомнить что-нибудь об этих животных, но совершенно ничего не мог припомнить ни о размерах, ни о других особенностях этого вида млеко питающихся.

– Ну, а как же попал сюда этот кенгуру? – иронично поинтересовался Андрей у профессора; он упрямо верил, что если это не верблюд, так джейран или сайгак. – Вырастил наверно казахский пастух или зверь сбежал из зоопарка?

– Вы, наверное, мне не поверите, – профессор выдержал паузу, как бы не зная с чего начать, потом, набрав в легкие воздуха, продолжил. – Как вы знаете, я физик и поверьте мне, пробелов в этой науке очень много. К неизученным физическим явлениям можно отнести и аномальные явления в природе. И физики на их счёт могут строить лишь предположения.

Может быть, и мы имели дело с таким явлением. Вы, Андрюша, спрашиваете – как оказалось здесь это животное? А может, это мы оказались у него в гостях, может быть мы сейчас в центре Австралии. И это пустыня Виктория, а те горы, которые видны вон там вдали – горы Масгрейе.

– Вы шутите? – на этот раз в голосе Андрея что-то дрогнуло.

А Иван смотрел в сторону, куда показал профессор. И действительно далеко впереди были видны очертания гор, может быть не очень больших, но всё-таки гор.

– Это многое тогда объясняет, – рассуждал далее профессор. – Если мы могли переместиться в центр Казахстана, то почему бы, мы не могли также оказаться в Австралии. Допустим, это антигравитационное облако держало нас в себе, пока мы не перелетели с одного континента на другой. Эта удивительная змея с ушами... Но разве мало диких животных на этом далеком континенте, которых мы никогда не видели. Утконосы или коалы, например. Что вы теперь на это скажете, Андрюша?

– Вы физик, вам виднее. Я уже готов всему поверить, но это... Это просто не укладывается в голове. Если это действительно Австралия...

Андрей принялся размышлять вслух, что тогда им просто повезло. Рано или поздно они встретят людей; сообщат властям; конечно, не обойдется и без разбирательств, но в конце концов всё станет на свои места. Они проживут несколько дней в Мельбурне, а потом полетят домой. И по мере таких рассуждений, у него началось поднимается настроение:

– Что там этот чемпионат Союза, да и Кубок Мира. На следующий год поедем, – он хлопнул Ивана по плечу. – Зато, Ванёк, всю жизнь будем вспоминать, детям рассказывать.

Иван молча отдал профессору нож. Он не разделял восторга Андрея. Много ему было непонятно, а это уже вторая версия профессора, и вскоре может последовать следующая.

Иван задумчиво смотрел, как профессор пытается начать свой обед, а Андрей, подобно заправскому специалисту по употреблению змей, давал ему хитроумные советы. Они смеялись и шутили друг над другом, пытаясь состязаться в остроумии. И Иван, смотря на них, невольно заулыбался. Они, шестидесятипятилетний профессор и двадцатилетний спортсмен, были сейчас, как дети, играющие в какую то весёлую игру. Грязные, перепачканные в пыли, лимфе и крови, они позабыли обо всём на свете, и со стороны было похоже, что это забавляются давным-давно знакомые и неразлучные друзья.

Иван достал из кармана секундомер. Прошло уже восемь часов, как встало солнце. Он смотрел на движущуюся стрелку, и ему казалось, что она перемещается, как обычно с нормальной скоростью, как всегда, когда он смотрел на неё на соревнованиях или на тренировке. Иван прощупал на своём запястье пульс. Уже на протяжении нескольких лет он постоянно контролировал его; ЧСС в покое составляло шестьдесят ударов в минуту, и он знал своё сердце лучше, чем кардиолог и их кардиограммы. И сейчас оно билось ровно и спокойно, по-будничному, в нормальном ритме. Стрелка оббежала круг. Шестьдесят два. Для достоверности Иван сосчитал от двухсот одного до двухсот тридцати. На секундомере прошло тридцать секунд.

Нет, размышлял Иван, часы идут правильно, но тогда ночь действительно длилась шестнадцать часов, а значит день должен быть восемь; и всё было бы нормально, если бы солнце сейчас село за горизонт, но оно в зените, ровно в зените и это означает, что до заката еще столько же, то есть, ещё восемь часов. У Ивана заболела голова от этой арифметики. Ну, нигде ни в Австралии, ни в Антарктиде не могут сутки быть больше двадцати четырех часов.

Иван рассказал о всех своих вычислениях профессору. Тот, внимательно выслушав, взял секундомер, потом долго смотрел на движущуюся по кругу стрелку, но так и ничего не сказав, вернул обратно, после чего продолжал жевать кусок мяса, и одновременно размышляя о чём-то, уставившись в несуществующую точку.

Иван подошёл к рюкзаку и вытащил из него Андрееву находку.

– А этот ботинок!

И он сообщил о своих суждениях по поводу этой подобранной ими вещи. Тут уже не выдержал до сих пор молчавший Андрей:

– Ну и что! Это всё ещё ничего не значит. Австралия. Казахстан или Южная Америка, но мы всё равно должны идти дальше. Хотя бы для того, чтобы выяснить всё до конца. Или ты хочешь сказать, что нам следует вернуться? Мы даже воды не нашли! – И он демонстративно одев рюкзак, зашагал по холму в сторону гор.

– Он прав, Ваня, – произнёс профессор и поднялся с камня. – Мы должны разрешить все эти загадки. Нам нельзя возвращаться назад и ждать неизвестно чего.

Профессор ободряюще улыбнулся Ивану и пошёл вслед за Андреем, вытирая на ходу руки об свои ещё недавно новые брюки. Иван подошёл к скелету, выбрал ребро побольше и отломав его, стукнул им для проверки прочности об камень. На звук Андрей обернулся, расплылся своей широкой улыбкой, и подняв руку со своей дубинкой вверх, показал этим жестом, что и не сомневался...

***

Если у Ивана спросить: почему именно десятиборье? То он, наверное, пожмёт плечами. Когда он учился в школе, у них был учитель по физической культуре – мастер спорта по лёгкой атлетике. Он организовал легкоатлетическую секцию, и Иван стал её охотно посещать. Почему он стал многоборцем? Да только потому, что он никогда лучше всех в секции ни бегал, ни прыгал в высоту выше и ни толкал ядро дальше. Всегда кто-нибудь находился, кто у него выигрывал. Иван перепробовал всё. Самолюбивый, он страшно хотел быть хоть где-нибудь первым. Тренер наблюдал на занятиях за неуравновешенным мальчиком, незнающим на каком всё же виде ему остановиться. Однажды после тренировки он отозвал его в сторону и сообщил ему, что на следующей неделе он будет выступать за сборную школы на городских состязаниях по лёгкой атлетике. Иван не поверил своим ушам: и смутно понимал над, чем именно, хочет сейчас поработать тренер и что это за штука многоборье, в котором от команды школы он должен принять участие. На соревнованиях он очень желал победу и поэтому в каждом виде прилагал все свои усилия, но ни разу у него не было лучшего результата. Иван мало следил за ходом соревнований. Сильно уставая, он ложился на лавочку, и отдыхая, ждал следующего вида многоборья. К концу второго дня, еле волоча ноги от усталости, он брёл в раздевалку, думая о том, что ноги его больше не будет в спортивном зале. Его сумма очков оказалась наибольшей, так в пятнадцать лет Иван стал победителем первенства города. За прошедшие годы он не раз размышлял о том, что окажись учитель физкультуры, например тяжелоатлетом или волейболистом, был бы он сейчас тем, кем есть.

Спорт раскрыл перед ним все свои прелести и со временем Иван научился ценить в нём и другие его стороны. Сейчас для него спорт был не только ради победы. Ивану нравилась усталость после тяжелой тренировки, удовлетворенность выполненной работы, которую казалось до тренировки он не сделает ни в жизнь; а с чем может сравниться предсоревновательный ажиотаж и вся обстановка наполненная духом борьбы и соперничества, встреча с друзьями, которых не пере счесть. После первых трёх лет упорных фанатичных тренировок, в тот время, когда его сверстники развлекались в своё удовольствие, Иван почувствовал отдачу от вложенного труда. Он легко поступил в институт, где на протяжении всех лет обучения ему шли на встречу. Он начал много ездить по другим городам и республикам, участвуя в различных спортивных турнирах, и наконец первые зарубежные поездки.

В начале этого сезона Иван уже имел результаты за восемь с половиной тысяч очков и на этот год он возлагал большие надежды. Его слабым местом были метания. В этом секторе он проводил большую часть своих тренировок. Это оправдывало себя, Иван надеялся на метаниях

прибавить ещё очков двести. А с таким результатом можно было потягаться с самим Томпсоном, рекордсменом мира из Великобритании...

Иван с ходу наткнулся на резко остановившегося Андрея. Они довольно долго шли по плато, и теперь перед ними был выбор: продолжать путь по равнине или спускаться в лощину и дальше в образовавшееся впереди ущелье, делившее плато на две части. Иван предложил не спускаться, а идти сверху, так они смогут видеть то, что находится внизу и наверху; если же они пойдут по ущелью, то они вряд ли смогут обнаружить заранее опасность, которая может скрываться за каждым поворотом. Его предложение было отклонено, так как было решено, что плато тянется ещё очень далеко, и впереди ничего примечательного нет, а в ущелье может быть вода. И смогут ли они спуститься с плато позднее или нет, известно одному богу, так как скалы могут быть там дальше отвесными; при том в ущелье они должны найти удобное место для ночёвки.

– Ты что, Ванёк? Думаешь, на нас там австралийские аборигены нападут? Или кенгуру на тебя засаду устроили? – поддел его Андрей и посмотрев на него выжидающе, с иронией поинтересовался. – Штанишки, Ванечка, не надо сменить?

– Да, иди ты!

Ивану было не до шуток. Он обошёл Андрея и первым стал спускаться по ложине...

Профессор оказался прав, и вскоре стали попадаться первые растения. Ущелье было действительно извилистым, но довольно широкое и к тому же постоянно расширялось и дальше. В начале, когда они только в него вошли, оно было шириной максимум метров десять; сейчас уже от одного края скал до другого длина составляла не менее пятидесяти.

Отвесные скальные стены, высотой около двадцати-пяти тридцати метров, представляли собой впечатляющую картину. Спуститься с плато в ущелье без соответствующей экипировки было бы просто невозможно.

Первые растения, которые они увидели, представились им в виде корней, вылезших из трещин в скальной породе. Место листьев у них были шипы, которые, как и сами корни, отдавали красноватым оттенком. Далее они наблюдали, наверное, близких родственников предыдущих растений. Они напоминали собой те же корни, но уже возвышающиеся над землёй выше уровня колена. Вокруг шипов росли маленькие листочки, напоминающие собою осень, но жёлто-коричневый цвет их, совсем не означал увядание; листочки были свежими и даже наверно молоденькими. Тут уже каждый из них понимал без всяких посторонних объяснений, что вода должна быть где-то близко. Они все, как по команде, невольно прибавили шагу.

Примерно через километр дно ущелья делало, как бы ступеньку и под этим уступом пробивался родничок. Вода была мутно-красной, и образовав у самого уступчика небольшой резервуар, пробивала себе дорогу дальше, стекая извилистым путём вниз по ущелью между серыми камнями.

– С железом водичка!

Профессор, встав на колени, нагнулся и принялся пить воду ртом прямо из резервуарчика. Иван бросил взгляд на скудную растительность вокруг: вот почему она такая красно-коричневая, с железом так с железом, даже лучше. Он вспомнил, как на тренировочных сборах зимой им часто приходилось глотать пилюли, содержащие "ферум".

Иван наклонился и стал жадно пить воду. Погрузив в неё полностью лицо, он наслаждался ощущением блаженства и ему страшно захотелось всему, целиком всему, втиснуться в этот крошечный бассейн.

– Лучше, чем пепси! – причмокнул губами Андрей и внезапно рассмеявшись, боднул Ивана головой. – Бе-е!

– Мальчишка!

Но всё же, он как бы увидел их со стороны: вот они стоят на четвереньках, два барана над корытом с пойлом. Ему стало тоже смешно, и он не смог удержать появившееся желание

боднуть Андрея в обратную, но немножко не рассчитал и они больно ударились лбами. Оба сразу же схватились за головы и повалились на землю, хохоча друг над другом.

– Ну, ты баран, действительно баран твердолобый, – скривившись, протянул Иван, потирая рукой ушибленное место

– А сам... а сам... – давился со смеху Андрей, смотря, как его друг ощупывает лоб, проверяя, не вскочила ли шишка.

...Они влезли в узкую щель между скалами, которые сверху соединялись, и создавали тем самым пещерку, не очень большую, но все трое в ней свободно поместились. Решив, что уже темнеет и что это самое удобное место для ночлега, так как лучшего уже наверно и не найти, они осветили пещерку спичками и убедившись в том, что змей в ней нет, улеглись спать. Иван уснул мгновенно, слишком уж он измотался за этот длинный день. Последние часа два они ели плелись от усталости; но наконец-то шестнадцатичасовой день закончился и, подсчитав примерно, они пришли к выводу, что преодолели не менее шестидесяти километров. После этих подсчётов у Ивана уже не было сил о чём-либо более рассуждать, и как только он вытянул ноги, так сразу же обо всём забыл...

Иван проснулся от шёпота. Андрей о чём-то переговаривался с профессором. Голова была ясной и усталости не чувствовалось, значит он выспался, решил для себя Иван. Но почему-то было ещё темно, потом вспомнил почему... Он спросил по привычке сколько время, хотя заранее зная, что ему никто не ответит, так как секундомер был у него в кармане.

– Тихо ты, – заговорщицки прошептал Андрей.

И тут Иван услышал, как снаружи была какая-то возня, чавканье, топот, повизгивание и хлопанье крыльев.

– Мы проснулись от жуткого крика, – зашептал ему на ухо Андрей. – А затем началось вот это.

– Давай, выйдем посмотрим.

– Ты, что? Там наверно волки или шакалы ужинают. – Андрей щёлкнул зубами у него над ухом. – Или ты хочешь попросить у них кусочек?

До их слуха донёлся звук похожий на рычание льва и последовавшее за ним жалостливое поскуливание.

Иван опять лёг на спину. Действительно, Андрей прав, там кто-то кого-то ест и ночь такая тёмная, что сейчас они ничего не увидят; а зажигать огонь... У них только спички, ими зверей не отпугнёшь, а наоборот можно только привлечь. Иван усмехнулся, и ими тоже за компанию тогда поужинают.

Постепенно возня начала успокаиваться и спустя некоторое время всё совершенно затихло. Они лежали ещё примерно час...

Иван слушал, как Андрей с профессором строили версии: кто кого там ел, но, так и не перейдя к чему-то конкретному, вскоре замолчали. Иван достал часы и зажег спичку. Двенадцать часов, теперь он считал для себя время от заката до заката.

– Сколько там? – спросил Андрей.

– Четыре часа до рассвета.

– Может оно сегодня раньше взойдет.

– Ага, иди подтолкни, – съязвил Иван.

Они полежали ещё минут пятнадцать. Иван слышал, как начал похрапывать профессор, но Андрей как будто не спал. Тогда он опять предложил пойти выглянуть наружу. Вооружившись своими дубинками, они осторожно вылезли из своей щели. В двух шагах ничего не было видно, но они всё-таки двинулись вперёд. Скоро, в шагах тридцати от своей пещеры, они увидели останки животного. Белые кости, начисто обглоданные, показались им в темноте громаднейшими. Ни Иван, ни Андрей даже примерно не могли представить, что это за животное

могло быть. У них появилось ощущение, что здесь кто-то быстренько закусил слонком. Иван посмотрел на небо: ни одной звездочки, тёмная-тёмная ночь. Андрей толкнул Ивана в плечо:

– Ты слышишь? – он внимательнее всмотрелся в непроницаемую тьму. – Мне кажется, что над нами кто-то пролетел. Иван же отчётливо слышал звук крыльев, разрезавших воздух.

– Наверно летучая мышь, – предположил Андрей и потянул Ивана за руку. – Пойдем досыпать.

Они направились к своей пещерке, смутно различая направление, и скорее всего идя интуитивно, боясь сбиться с пути; тогда уж точно придётся дожидаться утра под открытым небом.

Иван не знал, почувствовал он нападение инстинктивно или что-нибудь услышал, но он толкнул в спину Андрея и бросился на землю сам. Над ними пронеслось что-то огромное, обдав их сильным потоком воздуха. Они вскочили и побежали к расщелине.

– Ложись. – Крикнул Андрею Иван, опять падая.

Он быстро перевернулся на спину и ткнул острым концом ребра в надвигающуюся сверху тень, но его с силой вырвало из рук. Иван даже вскрикнул от неожиданности, а потом промелькнула ужасная мысль, от которой его на мгновение парализовал страх. А что если в этой крошечной тьме они шли не к расщелине?

Следующая атака не успела повториться. Они юркнули в свою щель, как раз в тот момент, когда их преследователь заходил на новый круг. Иван думал, что сердце его наверно выскочит через глотку. И каждый новый удар, рождающийся у него в груди, больно отдавался в висках.

Лёжа в хорошо защищённой пещере, ему уже больше не хотелось выходить из их укрытия ни ночью, ни даже днём и как ему казалось, что никакие силы не смогут его заставить покинуть это надежное убежище будущим утром.

– Кто бы это мог быть?

По голосу Иван определил, что Андрей перепугался не меньше, чем он. От шума, произведённым ими во время бегства, проснулся профессор, который тотчас расспросил о случившемся.

– Да, это наверняка гриф, – сделал он вывод, после того, как выслушал их сбивчивый рассказ о пережитых ужасах. – Эти птицы охотно посещают бывшие пиршества. Вы ему помешали, вот он и погнался за вами.

Андрея эти разъяснения вполне удовлетворили, и успокоившись, он решил покемарить до утра. Иван же не мог уже спать. Там, во время нападения на них, он всем своим нутром чувствовал, что ЭТО хотело не просто прогнать их, что оно охотилось на них и обладало огромной физической силой. По тому, как оно вырвало у него из рук его дубинку, он представлял, что эта тварь без проблем бы подняла его самого в воздух. Ему вспомнилась прошлая ночь и странные звуки над головой, очень похожие на слышанные им перед этим нападением. А ботинок? Иван сел. Страшная догадка просверлила его мозг. Лётчики пошли искать его, но они ничего не найдут. Они не смогут найти, потому что может быть эта самая же птичка, вчера взяла с лёгкостью за пиджачок толстого кавказца и отнесла кушать деткам, а ботиночек с него свалился по дороге. И он сам уже мог бы быть на его же месте, и даже уже два раза.

Ивану казалось, что сейчас чья-нибудь пасть просунется в щель, схватит его за ногу и утащит в ночь. Он подтянул ноги под себя. В мёртвой тишине, от которой становится жутко, он слышал, как спокойно спят Андрей и профессор, и как тикает его секундомер, как гулко стучит его собственное сердце. Нет, он не боялся в жизни реальной опасности, но здесь... Здесь была мистика: огромные скелеты, змеи с ушами, летающие невидимки и красное солнце... Иван зажёл спичку и осветил пещерку, чтобы убедиться ещё раз, что щель была единственным входом, потом, взяв в руки Андрееву дубинку, он просидел так до первых лучей солнца, пробивавшихся сверху сквозь скалы и, думая о том что принесёт им следующий день...

Ущелье достигло ширины никак не менее ста метров. Красный ручей, уже довольно глубокий, уверенно тёк вниз. Профессор сделал предположение, что они скоро выйдут к реке или озеру.

Иван и сам это хорошо понимал, уж географию то он в школе изучал. Растительность вокруг стала разнообразнее и богаче; их ноги уже утопали в мягкой бурой траве, а некоторые камни, лежащие вдоль ручья, были покрыты красным мхом или это было очень похоже на мох, но с ярко выделяющимися на красном, зелёными цветами. Кусты, зачастую преграждающие им дорогу, имели интересную и необыкновенную форму в виде шаров. Ощетинившись, как ёж длинными шипами, внутри которого росли различного цвета и размера плоды, зелёные шары имели в диаметре около полутора метра. Кусты могли располагаться местами и просто по одному шару, но в основном большими скоплениями и нагромождениями друг над другом, создавая пёстрое и красивое зрелище. Деревья встречались в основном карликовые, такие же, что они видели и раньше, но иногда попадались даже выше человеческого роста с гладкими синеватыми стволами и с огромной шапкой наверху, состоящей из переплетённых веток, толстых шипов и желтых листьев.

Иван шёл впереди, держа в руке сделанный из кости меч. Утром, первым делом он решил взять себе новую дубинку, и сразу же направился к скелету. Связки не давали возможность оторвать ему бедренную кость, выбранную для оружия. Камень, брошенный на сустав, расщепил кость на несколько частей. Пока его спутники умывались, он обточил ручку костяного лезвия и показал свое творение Андрею. Профессор отнёсся скептически к изделию Ивана, а Андрей с энтузиазмом взялся делать себе такой же. И когда, уже заканчивая работу над своим мечом, новоявленный оружейник спросил, не сделать ли и профессору такое же оружие, тот улыбнулся и ответил, что понадеется на защиту своих молодых спутников...

Временами Андрей по дороге несколько раз останавливался и безуспешно пытался достать мечом плоды из кустов-ёжиков. Профессор явно уже начал уставать, всё-таки предыдущий переход не прошел для него бесследно. А Андрей всё чаще заговаривал о том, что неплохо бы было перекусить. По пути им часто попадались обглоданные кости различных размеров, но никакой живой дичи они еще пока не встречали. Да Ивану что-то и не очень хотелось иметь встречу со “зверьками” таких размеров...

Увидели они его неожиданно. Он тоже как будто не надеялся встретить их здесь. Смотря на них своими большими на выкате глазами, он продолжал сидеть на дереве и жевать листья, как бы говоря им – ну что уставились? Не видите, я кушаю, топайте-топайте дальше. Иван вообще не понял, как они его заметили. Он был таким же синеватым, как и ствол дерева. Может быть только потому, что тот громко чавкал, нарушая вокруг гармонию тишины.

Андрей, аж весь изогнулся, и сделав три плавных шага, резким выпадом пригвоздил зверька к дереву. Тот тихо пискнул и затих. Они недолго его рассматривали, уж очень хотелось есть. Усталость, неизвестность и голод почти разучили их удивляться. Зверёк был действительно синим. Круглая голова на длинной шее и всего две конечности с тремя пальцами гвоздями, которые он втыкал в ствол и этим держался на его гладкой поверхности, дополнително обвив его ещё длинным гибким хвостом.

Они даже не обсуждали зверька, явно неизвестного науке. Пока Иван разжигал костёр из более-менее сухого мха, Андрей содрал с него шкуру, выпотрошил и выкинул то, что считал ненужным, а тушку надел на свой меч, как на вертел. Профессора они освободили от какого-либо труда, считая, что ему необходимо отдохнуть. Он прилёг на траву и наблюдал за деятельностью своих спутников. Два спортсмена, наверное, в жизни не орудовали так умело: один с огнем, а другой с дичью.

Зверёк размером с кролика был съеден в один присест и скромный обед к неудовольствию всех, закончился слишком быстро. Но у Ивана даже после него появилось страстное желание растянуться на травке и хоть немножко поспать...

***

Озеро никак нельзя было назвать живописным. Но что-то завораживающее в раскрывшейся перед ними картине было. Грязная, красно-коричневая, вязкая жидкость, образовывала овал, длиною по окружности не менее пяти-шести километров. Серый песочный берег завален обломками скал и камнями. Озеро как будто преградило им путь к возвышающимся за ним горами, которые изрезанные заросшими лощинами и с бесчисленными скальными отвесами, поднимались вверх многометровыми уступами. Горы не заканчивались снежными вершинами, а уходили ввысь постепенно суживающимися иглами. Будто кто-то там наверху каждой вершины построил по Эйфелевой башне, наверно считая, что сами вершины недостаточно высоки. И над всем этим медленно продолжало по небу бег красное солнце, как бы контролируя, чтобы ничто не нарушало здесь царства спокойствия и гармонии, созданного природой.

– Я думаю, что нам нужно разойтись, чтобы осмотреть всё озеро, – высказал своё предложение Андрей. – А там, – он показал рукой на противоположный берег. – Мы встретимся.

Ивану не хотелось, чтобы они расходились. Он внутренне чувствовал, что этого не следует делать. Профессор видимо думал точно также:

– Может не стоит этого делать, Андрюша. Сейчас мы пойдем в одну сторону, а когда будем возвращаться, осмотрим другую.

Но Андрей уже направился по берегу вправо, и на ходу обернувшись, крикнул им:

– Да, что здесь может случиться? Тишина то, какая! Всё, как на ладони. Вы идите туда, а я в эту сторону. Через час встретимся, на другом берегу.

И больше не оборачиваясь, он пошёл по самой кромке воды, помахивая перед собой мечом и насвистывая, какую-то мелодию...

Они прошли уже больше километра. Берег был по-прежнему завален камнями. В метрах ста от воды тянулась растительность. Колючие кусты и карликовые деревья, группируясь, создавали даже небольшие рощицы. Профессор шёл вдоль этих экстравагантных зарослей, надеясь увидеть что-нибудь необыкновенное. Иван же, торопясь быстрее обойти это озеро и прийти к месту встречи, шёл почти у самой воды. Ему приходилось постоянно окликать профессора, который то и дело останавливался и, рассматривая всякую всячину, отставал от него. За этот километр Ивану приходилось звать его раз десять.

Иван остановился у следа, пересекающего его путь. Кто-то выполз на берег, оставив после себя на песке две борозды. Иван обернулся, чтобы позвать своего спутника и показать на удивительные следы. В следующее мгновение с его губ сорвался крик. Камень, огромный камень, лежащий позади профессора, вдруг встал на шесть паучьих лап, и два его больших щупальца-челюсти воткнулись в спину старика...

Иван кричал, дико кричал и бежал на паука, замахнувшись своим мечом, держа его обеими руками. Чудовище выпустило жертву, и толи, почувствовав опасность, толи, завидев новую добычу, ринулось на встречу бегущему. Иваном руководил не разум, и не было страха. В эту минуту он обезумел; он видел движущуюся на него тварь и хотел её уничтожить.

Они сближались по направлению друг к другу на огромной скорости. Один подняв над собой меч; другой, выставив перед собой две окровавленные клешни-челюсти. В последний момент перед кажущимся неизбежным столкновением Иван отпрыгнул и со всей силы ударил мечом. Паук завалился на правый бок и перевернулся на спину, подминая под себя три отрубленные ворсистые лапы. Челюсти-клешни, сжимаясь и разжимаясь, пытались достать врага, сам же паук шипел, делая попытку перевернуться. Иван колот и колот его белое вздутое брюхо. Из него потекла густая желто-зеленая жидкость. Иван упал на колени, и его стошнило. Потом его рвало долго и мучительно, вначале синеватым полупереваренным мясом, а затем желудочным соком.

Иван поднялся и, пошатываясь, побрёл к лежащему неподвижно профессору. Опустившись рядом с ним на землю, он перевернул его на спину. Рубашка была вся в крови. Он осторожно снял её с раненого. Раны были ужасны. Челюсти, войдя в тело прямо под обеими лопатками, проткнули его насквозь, разодрав ткани вокруг. Старик застонал и открыл глаза.

– Что это было, Ваня?

– Я не знаю, как это назвать. Огромный, огромный паук. – Иван стащил с себя футболку и принялся рвать её на бинты.

– Зачем? – профессор слабо улыбнулся. – Как же ты без майки?

– Я сейчас вас перевяжу, и всё будет хорошо.

– Я не хочу тешить себя глупыми надеждами. Это смертельные раны, – он снова закрыл глаза и на время замолчал. Иван начал его перевязывать. Раненный застонал.

– Не надо, больно... Дай я полежу спокойно, уже недолго осталось, – его веки дрогнули, и он с грустью посмотрел на Ивана. – Мне вот вас всех жаль, Ваня. Тебя, Андрея, остальных пассажиров. Ты послушай меня внимательно.

Иван же, не слушая его, продолжал неумело перевязывать раны, причиняя профессору боль. А тот тихо вперемежку со стонами, наверное, уже в бреду, что-то говорил:

– Ты знаешь о гипотезе параллельных миров... Других измерениях... Это не Солнце, Ваня... Красный огромный диск... А я, старый дурак... Австралия, – и уже еле слышно он добавил, – это не Земля... это другой чужой мир...

Горлом пошла кровь, глаза широко открылись, его свело судорогой, и через несколько секунд он затих.

...Иван сидел на песке. На его бёдрах покоилась голова профессора, а сам он немигающими глазами смотрел на красное солнце, на озеро, на игольчатые горы и по его щекам текли слёзы, капая на белую седую голову.

Он шёл вдоль кромки озера, согнувшись под тяжестью мёртвого тела. Через каждые двести-триста метров, устав, он опускал его на землю. Затуманенным взором Иван осматривал впереди местность, несколько минут отдыхал и, взваливая на себя скорбную ношу, шёл дальше. Временами ему казалось, что он не выдержит и упадёт в эту мутную воду; голова кружилась, и путь одиночества представлялся ему бесконечным. Тишина давила как будто невидимой плоскостью, желая раздавить его и прижать навечно к земле. Он хотел закричать громко-громко, только чтобы не было этого страшного безмолвия. И больше всего он боялся, что останется один, что он так и будет идти в вечность, в кажущийся мир, а на самом деле в пустоту. А Андрея тоже уже нет. Нет, как и кавказца, которого кто-то унёс. Нет, как и профессора физики, недавно ещё преподававшего в университете.

А он? Разве он когда-то бегал на стадионах, ходил по шумным улицам больших городов, ездил в метро? Было ли это... Если и было, то уже в другой жизни... Это же может показаться смешным, здесь – среди этих скал. Он упал и смеялся; смеялся, что тот мир существует, а этот как будто нет. Этот, там, в воображении ученых, и только в воображении, а мир Земли они осознают, они там живут. А для него? Для него теперь только всё в воспоминаниях, а здесь он держит в руках этот песок, который сыпется на мертвое тело. Физик – Казахстан, Австралия, законы природы, связь времён и пространства. Иван медленно сходил с ума. А багровый диск солнца, зацепившись за скальные иглы, беззвучно смеялся над ним...

Андрей, ещё издали, увидев их, сразу же прибавил шагу. На конце его меча была наколота толи рыба, толи ящерица, а может, это была змея, он и сам этого точно не знал. Насвистывая по-прежнему свою мелодию, он уже довольно близко подошёл к ним. Иван медленно повернул голову, посмотрел на приближающегося друга и снова перевёл взгляд на озеро. Профессор, почему-то лежал перед ним как-то неестественно вытянувшись. Андрей, не то что бы, не ожидал такой встречи “кормильца”, он просто сразу же понял, что что-то случилось страш-

ное и непоправимое. Он подбежал, отбросив в сторону меч и упав на колени, дрожащими от волнения руками приподнял седую голову старика.

– Что? Что случилось?

Он судорожно сглотнул; чуть ли не кричал, и ещё не веря тому, что видел, смотрел на Ивана испуганными глазами. Для него пока всё это была игра, неожиданное интересное приключение. Авария, пустыня, их поход с элементами выживания, но всё равно игра и не больше. Они пионеры, скауты. А смерть, которую он знал только по книжкам и видел в кинофильмах, была далёкой и нереальной, абстрактным знанием, не оставляющим щемящей боли потери. А эта смерть... Сейчас он сидел перед мёртвым человеком, которого знал, к которому успел привязаться; и умер этот близкий человек не от старости. Игра внезапно кончилась, а всё вокруг осталось. И это не телевизор, где можно непонравившийся фильм ужасов просто выключить и всё. Теперь он сам участвовал в нём, а вернее жил. И впервые он почувствовал в тишине не просто отсутствие звуков. Весь мир; мир, который он до этого с интересом наблюдал, был другим; он стал менее ярким, враждебным и обрёл мрачные тона. В этом окружающем его мире погиб человек. И не просто погиб – он был жестоко убит.

– Что же это, что? – уже кричал Андрей, повернувшись к Ивану, кричал ему – этой застывшей мумии с каменным лицом и бессмысленным взглядом. – Что? Ваня...

– Я не мог... Я не успел... Я не... – Иван, с трудом подбирая слова, и продолжая смотреть в одну точку, медленно рассказал то, что произошло.

Слезы застыли в его глазах. Рассказывая, он заново переживал случившееся...

Иван замолчал, и вновь ничего не нарушало тишину и спокойствия вокруг. Только на берегу застыли три неподвижные фигуры, никак не вписывающиеся в гармонию природы. Один, положив на колени голову лежащего на песке, лёгкими движениями пальцев перебирал редкие седые волосы. Другой, смотрел в никуда; может быть в себя, ища ответы на то, на что нельзя ответить утвердительно. А только догадываться... И ещё, быть может, он размышлял над оставленным им наследстве профессора – над его третьей версией...

Андрей, молча с упорством, копал песок, затем с тем же упорством таскал камни. Он бережно уложил в могилу мёртвое тело; аккуратно сделал каменный холмик и, нарвав зелёных цветов и красных листьев, обложил ими скромное надгробие. Закончив свою скорбную работу, он подошёл к Ивану, который даже не пошевелился в течении часа, пока тот хоронил профессора, и тронул его логонько за плечо. Иван не шелохнулся. Он заговорил, сначала тихо и медленно, затем своим обычным голосом:

– Это не Земля... Этот мир не наш – он чужой... Другая планета вращается вокруг другой звезды... И даже не в нашей вселенной...

Иван говорил то, что никогда не знал; то, что сейчас родилось где-то в нём, в его подсознании. И он говорил это Андрею, который слушал и не понимал – бред это, гипотеза или страшная тайна. А Иван продолжал говорить о связи миров, о наложении их друг на друга, о множестве измерений и о вселенной; об их вселенной, которая рядом, что они в ней, но она на другой параллели. О том, что эта планета больше и сутки здесь тридцать два часа. И солнце это намного больше земного. Большой красный гигант, но находится гораздо дальше по расстоянию, чем земля от солнца... Он говорил о Бермудском треугольнике, пропавших людях, кораблях и самолётах... Что и они сами для всех, кто на Земле – тоже теперь пропавшие, а в газете появилась статья, многие читали и произносили вслух – это невероятно. А они будут здесь жить, среди этих скал и будут смотреть на большую красную звезду, пока не станут добычей какого-нибудь чудовища. И никогда уже не увидят Солнца, зелёную траву и их голубое небо. А те, там, на Земле будут продолжать жить дальше – проводить исследования, строить гипотезы и искать Несси из озера Лох-Несс, а также Гималайского Йети, которые придут на Землю, немножко наследят и прыг обратно в свой мир – натека вам пищу для размышления...

Иван вдруг резко вскочил.

– Андрей! Андрей! – он стал трясти его за плечи. – Мы должны. Понимаешь? Раз они могут к нам, мы тоже сможем, только надо искать...

Иван впервые посмотрел вокруг осмысленно. Его взгляд останавливался то на озере, то на скалах, то на красном солнце. Он долго смотрел на каменистый холмик, потом поднял глаза на Андрея.

– Только я не знаю как...

***

Они стояли на холме. Холме, который покинули четыре дня назад. Вот камни от их бывшей скамейки, вот валяется газета, которую Иван так и не прочитал. Внизу в долине разбросаны пустые бутылки из под лимонада, на солнце блестят использованные консервные банки.

Андрей с глухим стоном опустился на землю. Иван же неторопливо спустился в долину. За последние дни, после перенесённого шока, им овладело какое-то безразличие. И сейчас, равнодушно созерцая эту картину, он не задавал себе уже вопросов – что же удивляться этому миру...

Они с трудом добрались сюда. Сбиваясь часто с направления, полуголодные, постоянно ожидающие опасность, по ночам отсиживаясь в скалах, сторожа сон друг друга, они стремились к нему, он был их надеждой, был частью их дома. И здесь должны были ждать их люди; такие же, как они, с той же Земли. Легче было бы ошибиться и перепутать долину, чем поверить в своё одиночество. Улетели? Но куда? Зачем? Они же должны были ждать или случилось что-нибудь здесь? Здесь всякое может быть...

За пять прошедших дней они уже мало ходили на парней, которые сидели в салоне самолета. Разве можно было узнать в этих небритых, с растрёпанными волосами и впавшими щеками тех спортсменов, летящих на соревнования? У этих лихорадочно блестят глаза и обведены чёрным овалом, а из одежды почти ничего не осталось. Свои тренировочные штаны, сильно по истрепавшиеся снизу, они обрезали до колен, соорудив себе что-то подобие длинных шорт. На руках и ногах ссадины, кровоподтёки, и не проходящая изматывающая усталость.

То, что самолёта не оказалось на месте, Ивана уже мало волновало, в нём просыпалось желание жить, жить назло этому поганому миру. Придя в долину, он понял сразу другое; он понял то, что до озера, которое они тогда пролетали, примерно семьдесят километров. Добраться до него без еды и воды, им вряд ли будет под силу. К тому же скоро наступит ночь, и укрыться здесь поблизости не представлялось возможным, а за предыдущие ночёвки они убедились, что активная, слишком активная жизнь в этом мире наступала после заката.

Андрей, на которого отсутствие самолёта подействовало убийственно, продолжал сидеть на вершине холма, уставившись в разрушенную скамейку и ни о чём не думая. Им овладела полная апатия. Он хотел умереть, тихо спокойно заснуть и не проснуться. Он верил что, придя к самолёту, он окажется хоть среди и незнакомых, но всё-таки близких родных людей; услышит речь и человеческие голоса, а это было бы хоть и небольшим, но всё же утешением в постигшем их несчастье...

– Андрей! Вставай! Вставай нужно торопиться. Скоро сядет солнце. Вставай, Андрей, вставай!

Ну, и пусть садится, зачем нужно куда-то идти, ведь так хорошо сидеть. Ну, куда? Куда он меня тащит. Пускай оставит меня в покое. Пусть сам идёт, куда ему нужно. Он слабо отстранил руку Ивана.

Раньше, Андрей, читая в книжках о том, как люди переставали бороться за жизнь, возмущался: ну, как так можно, ведь необходимо надеяться до самого конца, бороться, терпеть и выживать. Сам же он сейчас, разбитый от усталости, обессиливший от голода и жажды, переживший потрясения и потерявший последнее утешение, желал одного – уснуть. Зная и пони-

мая, что рано или поздно, он всё равно потеряет сознание и спокойно, без боли умрёт от обезвоживания и истощения, Андрей перестал сопротивляться и цепляться за жизнь. Так погибали путешественники в песчаных и снежных пустынях. Так погибали его герои в любимых книгах Джека Лондона; погибали, уступая стихии, сдаваясь на милость жестокой природы.

– Андрей! Вставай, вставай! Может, они перелетели к озеру, так как были без воды и пищи. Они перелетели, потому что не смогли бы пройти весь путь пешком. – Иван сам мало верил тому, что говорил, но для Андрея это мог быть луч надежды. – Там мы должны встретиться. Вставай! Пошли!

Он потянул его за руку, а в другую схватил два копья, смастерённых ими тогда ещё у озера. С ними пришлось провозиться около трёх часов, зато они теперь имели грозное оружие. Найдя в заросшей лощине довольно длинное растение, чем то похожее на бамбук, но только без внутренних перегородок, они вставили в него осколок расщепленной кости, использовав вместо веревки полосы порванной Андреевой футболки. Тот ещё добавил, что, мол, им не хватает вдобавок лука со стрелами, и Иван задумался в тот момент над этим всерьез.

Иван уже различал впереди силуэты скал, но красный диск не дожидался момента, пока двое Землян успеют укрыться за ними. Он уже коснулся горизонта и багряный закат был предвестником опускающейся ночи. А вместе с ней во власть вступала тьма: покровительница зла и насилия, произвола жестокости царившего по ночам в этом жутком мире.

Стемнело быстрее, чем они успели достигнуть скал. Они теперь, насколько позволяла усталость, почти бежали по направлению к ним, рискуя споткнуться о камни. Боковым зрением Иван увидел “ЭТО” правее себя. Значит тот сон...

– Машина, Ваня! Машина! Стой же! Они нашли нас!

Иван сильнее сжал руку друга и бежал уже со всех сил, моля всевышнего не дать упасть ему на камни, и молил, чтобы не споткнулся Андрей. ... "Фары" освещали им путь, и до скал оставалось подать рукой, но за спиной уже хорошо был слышен угрожающий свист и шипение.

Иван влетел за скалу, и с разворота бросив на землю Андрея, замер, прижавшись к каменной стене. Он вогнал копьё в глаз преследователя до середины, затем, выждав несколько минут, вытащил из-за пояса меч и вырезал второй "прожектор". Только бы не насекомое, с надеждой подумал Иван...

Они пили и пили кровь; и впервые за последние дни чувствовали, как насыщаются, как к ним возвращаются силы. Вместе с кровью в рот текла сама жизнь, а вместе с нею и надежда. Кто-то мудро сказал, что надежда умирает вместе с человеком. Он наверно был прав, потому что если бы Ивану сейчас сказали, что он никогда не увидит Землю, то он бы умер. Но он верил, верил убеждённо, что раз кто-то может, значит и он вернётся. И эта маленькая победа над ужасом тьмы, ещё сильнее укрепила его веру.

Он осветил фосфоресцирующим глазом нагромождение скал и выбрал защищённое место. После этого они с Андреем перетащили туда тушу, и завалив вход большими камнями, улеглись спать. Иван, засыпая, с улыбкой думал о том, что завтра они не умрут с голода, что они уже точно доберутся до озера, а там они найдут способ прокормиться. До этого случая они просто не решались охотиться, да и сейчас, кажется, больше охотились на них, а они всего лишь защищали свою жизнь.

***

Анна лежала на берегу озера. Одежда изодрана была так сильно, что девушка была почти обнажённой. Вся исцарапанная, в синяках и кровавых подтёках она была живой, но без сознания. Иван с Андреем внимательно осторожно переворачивая, осмотрели её, но не нашли серьезных ранений и повреждений. Они попытались привести её в чувство. Но после долгих и безнадежных попыток, Иван, бережно взяв её на руки, направился через лес к скалам.

Там среди базальтовых скал, куда вчера вечером они уже почти без приключений наконец-то добрались, в этом оазисе среди серой пустыни, они нашли пещеру. Просторная и уютная, она была для них надежным укрытием. Повоевав недолго со змеями-драконами, и выйдя победителями из этой сделавшей им честь войны, они стали полноправными хозяевами каменного, просторного и хорошо защищённого жилища.

В это утро, с наступлением долгожданного рассвета, они бегом отправились к озеру. Оазис, так они про себя его называли, занимал довольно обширную площадь. До озера им пришлось бежать примерно шесть-семь километров. Они старались бежать по чистому лесу, состоявшем в основном из синеватых деревьев и высотой около тридцати метров. Пышные кроны соединялись вверху, закрывая собой небо, и от этого в лесу стоял полумрак. Земля была устлана красноватым мхом, по которому было приятно бежать. Часто им приходилось огибать заросли круглых кустов и густые чащи, подлеском которого были карликовые полтораметровые деревья. По пути им попадались красно-коричневые небольшие озерца и застоявшиеся бурого цвета лужи, диаметром по десять, а то и двадцать метров. Изредка путь им пересекали различной ширины ручьи, которые они перепрыгивали или переходили по покачивающимся поваленным через них деревьям, рискуя поскользнуться и упасть в рыжеватую вялотекущую воду. Само озеро, большое и круглое как монета, было синим; не с голубишной, как чистые озёра на Земле, а именно синим – цвета медного купороса. До противоположного берега было около двух километров. Берег был крутым и обрывистым, с близко подступившим и нависшим над водой лесом, но местами он образовывал природные пляжи, покрытые серым песком. На одном из таких пологих пляжей они и увидели стюардессу, лежавшую на песке почти у самой воды. Они ещё издали узнали её, да и кто же мог быть здесь кроме, их бортпроводницы, но потому в какой неестественной позе и как неподвижно она лежала, не надеялись, что она окажется живой.

Андрей осторожно принял девушку на руки. Он шёл и смотрел на красивое осунувшееся лицо, на побледневшие губы, на спутавшиеся волосы, Он сильнее и сильнее прижимал её к себе, пожирая девушку своими голубыми глазами. И на них выступили слёзы. Для него она сейчас не была женщиной. Андрей нёс на руках человека – Человека с их Земли. В эти минуты у него впервые за эти дни потеплело на сердце. И он был рад, рад маленькому счастью, что они не совсем одиноки в этом чужом для них жестоком мире. И главное для него сейчас было то, что бы она жила. Он готов был отдать всю свою кровь, но только бы жила, открыла свои карие глаза и улыбнулась.

Они жили... Не просто существовали, а жили. У них была цель, а это весомое различие между существованием и жизнью. Иван не знал как... Но считал, что нужно идти туда, откуда они прилетели. Идти к облаку.

Они обосновались в завоёванной пещере. Анна по-прежнему была без сознания. А на вопрос – где самолёт и остальные пассажиры с экипажем? – могла ответить только одна она. Они же, уже ежедневно, смело ходили охотиться и пытались разыскать ещё кого-нибудь из оставшихся в живых пассажиров или членов экипажа, но их попытки не привели к успеху. Иван с Андреем и кричали и звали, но в ответ им была всегда только тишина. Охотились они на мелких причудливых зверьков, на шестиногих ящериц и на ползающих драконов.

Крупных зверей они не встречали, да и не хотели иметь такую встречу, хотя в лесу они находили много скелетов: маленьких и больших, свежих и не совсем. Они сделали себе по несколько лёгких дротиков и время, проведённое в секторе метания копья, полностью оправдало себя. И Иван, и Андрей, завидев сидевшего на дереве зверя, с пятидесяти метров попадали в ничего не подозревавшее животное. Они сделали себе по новому мечу и кинжалу, вдобавок обмотав ручки оружия змеиной кожей. Мастерили они его себе по вечерам, сидя у костра в пещере. Один раз Иван содрал со змеи кожу, не разрезая её вдоль, и вывернув обратно, получил себе превосходные ножны.

Они жили первобытной жизнью, полной опасности и лишений; жизнью, о которой в юности много читали и смотрели приключенческие кинофильмы. Но сейчас они сами оказались в этих условиях, и всё у них выходило естественно, как будто это и был их настоящий образ жизни. И они сами не знали, что ими руководило, полученные знания или инстинкты далеких предков. И у них даже в мыслях не было, что это романтично. Для них это была жестокая реальность, страшная правда жизни, где и сама то жизнь зависела от случайности. И на охоту их заставлял идти не авантюрный дух, сидящий в каждом из нас, а жизненно важная необходимость.

Иван сидел на камне и мастерил лук. В детстве он часто с мальчишками со двора играл в отважных индейцев или в разбойников Робин Гуда. Представление, что именно он должен сделать, он имел, но это должен был быть лук не для детских забав. Это должно было быть оружие для защиты и нападения.

Андрей готовился кормить Анну. Давали они ей только свежую тёплую кровь животных. Другой жидкой пищи, содержащей в себе все необходимые для больной питательные вещества, приготовить у них не было возможности.

Андрей, наклонившись над девушкой, увидел, как она открыла глаза. От неожиданности он сделал шаг назад. Анна опять опустила веки и заговорила:

– Черти, черти! Они уносят нас, они пьют нашу кровь. И они смеются. Они дико-дико смеются. Они приходят ночью. От них нет спасения. Кто-нибудь помогите... помогите...

Иван сразу же подбежал и присел возле неё на корточки.

– Нас осталось всего пятеро. Мы должны спрятаться. Бежим, бежим быстрее. Ну, что же вы? Они же сейчас вернуться. Вставай, ну вставай же, не падай, вон там впереди скалы, за ними мы укроемся...

Девушка дернулась и попыталась вскочить. Иван удержал ее за плечи.

– Она бредит, – он положил свою ладонь на её лоб. – У неё жар. И очень сильный.

– Это преисподняя. Мы умерли, да мы умерли. И мы в аду. Да-да, посмотрите вокруг, это ад. Смотрите, сколько висит везде чертей. И хохочут. Они над нами хохочут. А кости? Они белые, серые, а вот чёрная косточка. На возьми, девочка, чёрную косточку. Не надо плакать, это не больно. Мы ведь уже умерли... раз мы здесь... А вы зачем молитесь? Не надо, не надо молиться. Где он ваш бог? Где?

Андрей в отчаянии смотрел на метавшуюся в бреду девушку. Он видел, как у неё покраснело лицо, и вздулись на висках вены – вот-вот лопнут. Он кусал до боли губу и не знал, чем ей помочь, как облегчить страдания. Если она умрёт...

– Необходимо пустить кровь. Это её обессилит и она, успокоившись, уснёт. – Иван вытащил из ножен, висевший у него на кожаном поясе костяной кинжал. – На подержи над пламенем. Другого средства нет. Нужно рискнуть,

– Почему? Почему они взяли их первыми, а меня оставили. Я не хочу оставаться одна. Возьмите и меня. За что, за что? О боже... Нет тебя, нет... Ты бы не допустил... За какие грехи? За какие, весь этот ужас. – Анна начала вырываться и дико кричать, по её телу прошла судорога.

– Держи её крепче, – приказал Андрею Иван.

Он вскрыл на её руке вену, и Андрей видел, как медленно по коже потекла вязкая красно-чёрная жидкость. Кровь тоненькой струйкой побежала по руке и дальше вниз на серые камни; и бежала и бежала. Андрей с тревогой взглянул на Ивана. Сколько же можно? Он наверно хочет выпустить из неё всю?

Иван и сам не знал, сколько нужно: пол, литр, полтора, больше, меньше?

Он наблюдал за вздувшейся веной на виске. Черты лица девушки начали распрямляться, напряжённые и сведённые судорогой мышцы расслабились.

– Перетягивай!

Андрей с ловкостью, которой позавидовала бы любая медсестра, наложил "жгут". Анна на глазах успокаивалась и вскоре уснула. Андрей долго прислушивался к её ровному дыханию, потом перевёл взгляд на Ивана. На лице того осталась печать усталости; ответственность за жизнь другого человека – что может быть тяжелее.

– Она не умрет?

– Не должна. – Иван задумчиво посмотрел на лицо стюардессы. – Завтра она проснётся, и мы должны её хорошо кормить.

Они улеглись спать на красную моховую подстилку, предварительно обложив угли камнями. Слабый красноватый свет пробивался сквозь них, немного освещая пещеру. Андрей лежал с открытыми глазами, уставившись в её верхний свод. Наблюдая игру теней и прислушиваясь, к дыханию Анны, он думал о том, что она будет жить и жизнь спас ей Иван. А её жизнь была сейчас главнее всего, главнее, чем его собственная. Нет, он не любил её. Или вернее любил, но как символ – символ Земли, её олицетворение. А для него это было намного важнее. Значит, старший друг спас его в очередной раз. И это Иван, над кем они с ребятами часто шутили, над его нерешительностью, робостью перед девчонками, задумчивостью и философскими размышлениями. Здесь же в минуту опасности нависшей над жизнью он делался быстрым и до безрассудства бесстрашным. Сам он потом говорил Андрею, что всё происходит мгновенно, как бы само собой, а после уже тяжело стучит сердце и становится страшно от осознания того, что один неверный шаг и всё могло бы быть не так, могли бы быть непоправимые последствия.

Анна, открыв глаза и увидев смотревших на неё парней, вскрикнула и забилась в угол пещеры, инстинктивно прикрыв руками свою, слегка прикрытую остатками одежды, грудь. Они не поняв, чего она так испугалась, посмотрели друг на друга, надеясь, что вид другого подскажет ответ, но всё в их облике было как обычно. Андрей недоумённо пожал плечами и снова повернулся к девушке и даже сделал шаг. Анна теснее прижалась к стене, и видно было, что с её губ вот-вот сорвётся крик. Иван, вдруг догадавшись в чём причина, улыбнулся – ведь это для них их вид давно стал привычным, но никак не для неё. Они только что вернулись с охоты. Почерневшие лица с давно небритой щетиной, к тому же полуголые, грязные и с горящим взором, они имели воинственный вид: на змеиных ремнях слева висело у них по длинному мечу, справа по кинжалу, крест на крест через плечи лук и колчан со стрелами (над колчаном им пришлось повозиться довольно долго, испортив не один крокодилий хвост шести ногой ящерицы), в правой руке по копьё и по дротику; в левой Андрей держал за хвост трёх двупалых синих уродов, а Иван связку плодов, которые они наконец сумели отобрать у строптивых кустов.

– Аня! Анечка! – начал осторожно Иван, видя сильный испуг девушки, не узнавшей их. – Это мы, Иван и Андрей. Самолёт! Вспомни! – Иван осторожно на полшага придвинулся. Зная, что девушка пережила какое то потрясение, он боялся вызвать резкими движениями новый стресс.

– Помнишь? Мы бутерброды ели вместе. Тебе их мама сделала в дорогу. Помнишь? – Иван и сам в этот момент всё вспомнил, и у него возникло ощущение, что это было давным-давно, что после этого уже прошла целая вечность...

Девушка с трудом узнавала в этих дикарях своих спутников. Она хорошо помнила тех двух парней сильных и красивых, уходивших за помощью в пустыню. Она провожала их, и они смеялись перед дорогой, вернее тот светленький и голубоглазый балагур. Он рассказал ей анекдот про Ходжу Насреддина, и напоследок сказал, чтобы она не улетала без него, а он принесет ей верблюжьего молока. Второй, что чуть постарше и с красивым задумчивым лицом, на прощание посмотрел на неё долгим взглядом, от которого тогда защемило у неё сердце. А после она долго смотрела и смотрела им вслед, пока они не скрылись за серым горизонтом...

Анна сквозь слёзы улыбнулась и подбежав к ним, обняла сразу обоих, стараясь теснее прижать их к себе своими ещё совсем слабыми руками...

– Миленькие мои, мальчики мои! Вы вернулись! – она плакала, и целовала их, и ещё не веря, что они действительно рядом, трогала их, как маленький ребенок. У Андрея невольно повлажнели глаза, хотя сам вытирал грязной рукой её мокрую щеку. А Иван, от прикосновения её влажных губ, выронил из правой руки плоды и потом неловко обнял её, прижавшуюся к ним девушку...

– Когда вы ушли, мы весь этот долгий день ждали возвращение командира и экипажа. Наступила ночь, а с ней ещё более томительное ожидание; и ночь, казалось, тянулась бесконечно долго. Следующий день мы опять ждали, но никто не приходил, не возвращались ни пилоты, ни вы. Никто ничего не понимал. Некоторые говорили, что пропавший кавказец на самом деле какой-то преступник, который угнал самолёт и вынудил посадить его в этой пустыне и наверно уже за пределами границы. Вы ушли и заблудились или тоже с ним заодно. А экипаж бросил их на произвол судьбы или пилоты арестованы местными властями. Были обвинения и в мою сторону. Что я могла им ответить? Я сама ничего не понимала. Я тоже, как и все, устала от тревоги и неизвестности. – Анна тяжело вздохнула.

Они сидели в пещере у костра. Андрей потихоньку вертел тушку животного над огнём и иногда поливал её водой. Иван ворошил угли, вызывая тем самым сноп искр и недовольство Андрея. Анна сидела на камне обхватив руками плечи, толи замёрзнув, толи прикрываясь, стыдясь своей полу наготы.

– У нас в этот вечер кончилась вода. Отец мальчика сказал, что он уходит к озеру, так как не хочет, чтобы его сын умер через два дня от жажды. Остальные тоже решили уходить, отчаявшись ждать помощь. Никого не пугал переход по каменистой пустыне в семьдесят километров. Я хотела остаться, кто-то же должен был охранять самолёт. Но они меня убедили оставить в кабине записку, на случай если самолёт найдут или кто-нибудь из вас вернётся. Я понимала, что поступаю неправильно, но я боялась оставаться одна.

– Вы ушли, а самолёт остался в долине? – переспросил Иван, еле сдерживая волнение. Девушка кивнула:

– Утром, на рассвете, взяв с собой только необходимое, мы отправились в путь. Остальные вещи, и ваши тоже, мы сложили в передний багажник. Затем я прибрала в салоне и закрыла люк. Уже с холма я обернулась, у меня было предчувствие, что я вижу его в последний раз. Я подавила в себе угрызения совести, всё-таки эта машина была для меня как родной, и побежала догонять ушедших вперёд пассажиров.

Иван с Андреем переглянулись и как бы спросили друг у друга. Может они ошиблись и он стоит там себе на месте? Или кто-то утащил многотонную машину? Или? Ивана глаза сверкнули догадкой. Или немного раньше их вернулся экипаж и, прочитав записку, они вылетели к озеру. Но почему же тогда их нет здесь?

– Мы шли и шли, а пустыня не кончалась. Хотелось пить. У меня кружилась голова от усталости, и всё плыло перед глазами. Иногда я спотыкалась и падала, и мне не хотелось вставать... Дальше я плохо помню, вернее почти ничего не помню, – она сжала пальцами виски, силясь пробудить в памяти дальнейшие события. – Помню, потеряла сознание, потом очнулась: я опиралась о руку отца мальчика, и мы шли мимо скал, спускались сумерки. Потом я, кажется, опять была без сознания, потому что снова ничего не помню. Потом мне казалось, будто я лечу над пустыней, подо мной в темноте проплывали скалы и камни. Дальше темнота и пустота. После, я очнулась в каком-то подземелье или огромной пещере, но её своды светились и переливались огнями. Вокруг кости и дикие завывания, а я лежала на трупе женщины. – Анна посмотрела на них глазами полными слёз. – На той, которая сидела рядом с кавказцем. Вы помните? Она была синяя и какая то худая-худая, будто только кожа обтягивала её лицо и тело. Потом что-то зашумело, и начали падать камни. Меня больно ударило по голове. Очнувшись,

я подумала, что уже в могиле. Я была завалена камнями и землей. Я стала раскапывать себя и раскидывать в сторону камни. Потом ползла, вначале по острым переливающимся минералам, потом сквозь какие-то колючие заросли; я очень хотела пить, впереди, кажется, блестела вода, но я уже обессилила, и каждая попытка продвинуться вперёд отнимала ещё больше сил. Вода была рядом, протянуть только руку, но я уже не могла даже пошевелиться и опять провалилась во мрак... – она на несколько секунд замолчала. – А потом... Потом я очнулась в этой пещере и увидела вас, вначале подумав, что этот кошмар всё ещё продолжается...

Анна с каждым днём поправлялась и набиралась сил. Вместе с ней как бы и оживал Андрей. Он становился всё веселее и разговорчивей и теперь часто раздавался его звонкий непосредственный смех, а по вечерам их пещера наполнялась его шутками. Андрей, привыкнув к этой жизни, стал самим собой. По Ивану же трудно было судить о его внутреннем состоянии и душевном равновесии. Иногда он подолгу задерживал свой взгляд на молодой девушке, но потом, снова уставившись в костёр, слушал рассказы своего друга, и даже улыбался наиболее удачным его остроумам.

Обычно после того, как стемнеет, они ещё часов шесть сидели у костра, ремонтируя или мастера оружие. Один вечер Иван с Андреем подарили каменному искусству и просверлили одним камнем в другом углубление, получили возможность хранить и иметь под рукой около трёх литров воды. После этого они подумали о способе переноски воды в кожаных бурдюках.

Питались они жареным мясом и плодами, которые в этих кустах-ёжиках оказались съедобными и даже немного вкусными. Иван также постоянно заставлял их пить свежую кровь маленьких зверьков. Вскоре Анна, совсем окрепнув, стала выходить с ними в лес...

Иван учил Анну метать дротик и стрелять из лука. Андрей в пятидесяти метрах воевал с колючим кустом. После каждого выстрела она, предварительно получив замечания своего наставника, окликала Андрея и показывала на свои успехи, на что тот отпускал свои реплики, и совсем не говорящие в пользу новоиспечённой лучницы. Короткий меч на поясе, перекинутый через плечо колчан со стрелами, лук в одной руке и дротик в другой делали девушку похожей на легендарную амазонку, и в этом первобытном наряде она была поистине красива и прекрасна. Но Иван, воспитанный в строгой семье, ещё никак не мог привыкнуть видеть постоянно рядом с собой полуобнажённую девушку и часто что-нибудь объясняя ей, отводил взгляд в сторону. Когда она ещё была без сознания, он пытался сшить ей что-то подобие юбки и курточки-топика, но у него ничего не получилось и он бросил это занятие. Позже, уже вдвоём с ней самой, из кожи и сухожилий они соорудили задуманное Иваном, из которого теперь и состояла вся одежда Анны, хоть и грубая, но это было лучше чем ходить в предложенных Андреем плавках фирмы, основанной Адольфом Дасслером.

– Ой! Смотри! – Анна внезапно чего-то испугалась и прижалась к Ивану. – Смотри, смотри! Оно идёт сюда. Бежим!

Иван удержал её за руку. Он, насколько хватало глаз, ничего опасного не видел. Тогда он стал наблюдать за её лицом, пытаясь выяснить, чем вызван этот неожиданный испуг. А она сильнее прижималась к нему и широко раскрыв глаза, смотрела на дерево, в которое они только что стреляли из лука. Невольно вскрикнув и прижав пальцы ко рту, она сделала два шага назад, а затем побежала к дереву. Иван нагнал её уже у их “мишени”. Она стояла в растерянности, явно чего-то не понимая.

– Что случилось Аня?

– Ты ничего не видел? – она спросила его с таким удивлением, что Иван даже не знал, что ответить, может он действительно, что-то не заметил. Он пожал плечами. – Ну, как же? Такой большой-большой серый зверь. Он шёл на двух ногах. Такой... Такой... – она с какой-то надеждой в глазах смотрела на непонимающего Ивана и пыталась это описать, помогая себе руками. – Он... Он... – потом улыбнулась, как школьница, нашедшая на уроке при ответе нужное слово. – Он был похож на кенгуру, только серый и с круглой, как мячик головой. Он шёл

прямо на нас, но в него воткнулись две стрелы, и он чуть-чуть качнулся, потом дротик, наверное, прямо в сердце, потому что он упал. Вот здесь. Здесь у дерева он лежал, – и она топнула ногой чуть не плача, совсем как маленькая девочка, которой не верят взрослые.

– Он был, был. Я видела, – повторила она, видя во взгляде Ивана неверие в существование этого зверя. Потом она замолчала на несколько минут. Иван не мешал ей перебаривать свои мысли в голове.

– Это была галлюцинация?

Он молча кивнул ей в ответ. Нежно взяв её за руку, Иван ласково сказал:

– Пойдем домой. Тебе нужно отдохнуть. Всё-таки ты наверно ещё не совсем окрепла.

Вечером они не вспоминали об этом происшествии. После ужина её отвлёк Андрей, который был в ударе, когда рассказывал о том, как ему удалось обхитрить круглый куст. Анна смеялась над ним, когда он изображал то себя, ходившего вокруг куста, то замирал, оцетинившись мечом и кинжалом, показывая строптивый колючий куст. Иван успокоился, глядя на весёлую девушку, забывшую о своих видениях. А смех он считал одним из средств, которым можно восстановить расшатанные нервы и психику девушки.

Анну они оставили заготавливать мясо для сушки, предварительно показав, как сдирать шкурку с синих трехпалых животных и как потом нарезать. Сами пошли в лес, считая, что нужно хорошо поохотиться и следующий день отдохнуть. Они возвращались уже назад, вполне довольные удачной охотой и рассуждая о полезности выходных дней. Неожиданно из-за дерева появился Он... Андрей резко остановился и стал снимать с себя лук. Большой, серый и с круглой головой он шёл прямо на них на двух мощных задних конечностях. Иван взял по удобнее дротик, в левой руке приготовил меч.

Два раза прозвенела тетива. Зверь покачнулся. Иван, как замороженный смотрел на трёхметровое животное.

– Ты, что тянешь, крикнул Андрей, натягивая третью стрелу. Иван сделал три быстрых скрёстных шага и с силой метнул дротик. Зверь, издав предсмертный хрип, повалился на мох. Андрей не спеша вложил стрелу обратно в колчан, посмотрел на Ивана и, выкрикнув победный клич, подбежал к туше животного. Иван подобрал брошенное на траву копые и неторопливо пошёл за Андреем.

– Ты смотри! Большой какой! – Андрей, боясь сломать, осторожно вытаскивал стрелы. Потом, упершись ногой в туловище животного, выдернул дротик. – Прямо в сердце. Дух испустил мгновенно. Трудно с тобой копьём уже состязаться. Придётся в стрельбу из лука переходить. У меня, кажись, ничего получается. Здесь сейчас малость потренируюсь, глядишь, Олимпийскую медаль завоевать сумею. Как ты думаешь? А? – продолжая ещё о чём-то мечтать, он стал примеряться, как бы ему получше разделить тушу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.